З. Д. КАСТЕЛЬСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ

З. Д. КАСТЕЛЬСКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ (1865—1917)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

9(С)17
К28

Ответственный редактор
Н. А. ХАЛФИН

В популярном очерке автор освещает период истории Узбекистана от присоединения его к России до Великой Октябрьской социалистической революции. Показаны политика царской России в Туркестанском крае и национально-освободительное движение под влиянием русской революции 1905—1907 гг. и дальнейшего подъема революционного движения в России.

К $\frac{10604\text{-}030}{013(02)\text{-}80}$ 134-79. 0505020000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем небольшом популярном очерке автор ставил перед собой задачу кратко осветить лишь один период истории узбекского народа, а именно колониальный, предшествовавший Великой Октябрьской социалистической революции.

Географически автор ограничился тремя основными узбекскими областями бывшего Туркестана — Ферганской, Самаркандской и отчасти Сырдарьинской (ее Ташкентским уездом). Эти окраины дореволюционной России были многонациональны, но значительную часть населения в них составляли узбеки. Наряду с ними в этих областях жило немало таджиков, казахов, киргизов и представителей других народов. Исторически жизнь всех этих народов была тесно переплетена. Тяжелая участь колониального раба была их общей судьбой.

Прежде чем приступить к рассказу о событиях, происходивших в 1865—1917 гг. на территории современного Узбекистана, нужно сказать несколько слов о далеком прошлом населяющих его народов, об их связях с русским народом. Однако в небольшом очерке трудно избежать фрагментарности и некоторого упрощения.

Многочисленные археологические находки, особенно клады старинных среднеазиатских монет, найденные на территории нашего государства, свидетельствуют о несомненных связях Руси со Средней Азией еще в давние времена, когда был проложен торговый путь через Каспийские степи не только в Среднюю Азию, но и дальше — в Индию и Китай. По этому пути проходили русские, византийские, генуэзские, индийские купцы.

Имеются письменные свидетельства о торговле наших предков со Средней Азией еще в IX в. Так, арабский географ Ибн Хордадбех в своей работе «Книга

путей и государств» подробно описывает путь по Волге — Каспийскому морю, которым пользовались русские торговые гости: «Что же касается купцов — русских... то они вывозят меха выдры, меха черных лисиц и мечи... Ходят на кораблях по реке Славинии, проходят по заливу хазарской столицы и затем ходят к морю Джурджана... иногда же они привозят свои товары на верблюдах в Багдад» [1].

Позднее русские князья и купцы, благодаря географическому положению Руси между Западной Европой и Азией, извлекали огромные прибыли также и от посредничества в европейско-азиатской торговле. Особенно с начала XI в., после ликвидации промежуточного звена в лице Хазарского ханства, для русских купцов открылись еще бо́льшие возможности к укреплению связей со Средней Азией. Имеются сведения о том, что в Северной Европе часто можно было видеть товары из Средней Азии, которыми снабжали европейцев купцы Ганзейского союза, последние же приобретали их на новгородском и псковском рынках. А новгородских и псковских гостей (бывших часто также членами Ганзы) нередко можно было видеть в Бухаре, Самарканде и других городах. Торговые сношения между Русью и Средней Азией не нарушались даже во время войн. Многие документы говорят о том, что торговые караваны почти беспрепятственно проходили через враждебные друг другу царства [2].

Известно, какое огромное значение для экономического и культурного развития народов имели торговые связи. Вместе с караванами приходили мастера, ремесленники, лекари, зодчие. Так, при дворе великого князя Дмитрия Донского жили талантливые самаркандские архитекторы и мастера-строители. В Бухаре, Хиве и Самарканде можно было встретить русских торговых людей и ремесленников. Некоторые русские купцы владели там торговыми предприятиями и были приняты при ханских дворах как представители далекого Московского государства. Часто и среднеазиат-

---

[1] Цит. по: А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 49.

[2] Ипатьевская летопись.— Полное собрание русских летописей. Вып. 2. Пг., 1923.

ские купцы бывали послами своих ханств при московском дворе.

В XVI в. Московское государство начинает продвижение на восток. В 1552 г. было покорено Казанское ханство, в 1556 г.— Астраханское и в 1584 г.— Сибирское. В связи с этим значительно увеличилось политическое могущество русского государства.

Приблизительно с этого времени начались и более регулярные официальные сношения Бухары и Хивы с Москвой. В 1578—1705 гг. было много русских посольств в Бухару и Хиву, бухарских и хивинских — в Москву, при помощи которых налаживались экономические и дипломатические связи [3]. В 1564 г. бухарский эмир писал царю Ивану IV, «чтобы... дорогу дал в свое государство людем его торговати ходити» [4]. Московское государство относилось благосклонно к среднеазиатским купцам. Быстро развивались товарно-денежные отношения, расцветали такие центры русско-азиатской торговли, как Нижний Новгород и Астрахань, где были богатейшие складочные пункты. Там происходили ярмарки, имевшие международное значение. Туда приезжали также многие европейские купцы. Историк XVI в. Павел Иовий Новокомский писал: «Загатаи (чагатаи, узбеки.— *З. К.*) снабжают московитян множеством шелковых тканей» [5].

Однако торговые пути нередко были небезопасны. Немало челобитных написано бухарскими и хивинскими ханами московскому царю с просьбами о помощи в борьбе с «кочевыми разбойниками», которые грабили их караваны и не давали прохода в Москву. И Московское государство при помощи своей вооруженной силы пыталось охранять торговые пути из «Озбекии» на Русь.

С XVII в. крепнут дипломатические отношения между среднеазиатскими ханствами и Московским государством. В 1620 г. к бухарскому эмиру прибыл русский посол Иван Хохлов. В 1669 г. были отправлены из Москвы послы Федотов и Муромцев в Хиву и братья

---

[3] Материалы по истории народов СССР. Вып. III. Л., 1932, табл. II—IV.

[4] Там же, с. 405.

[5] Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836, с. 26.

Пазухины в Бухару. Такие посольства способствовали развитию экономических, дипломатических и культурных связей Средней Азии с Московским государством и их знакомству друг с другом. Некоторые из русских послов изучали жизнь народов Средней Азии, политическое и экономическое состояние ханств, описывали пути сообщения, города и т. п. Широко известная «Книга Большому чертежу», составленная во второй четверти XVII в., в которой обобщались географические и этнографические сведения о России и соседних землях, в значительной степени была создана на основании таких описаний.

Связь с узбекскими ханствами продолжалась и в XVIII в. Петр I прекрасно понимал, какие огромные выгоды могут извлечь в дальнейшем российские купцы из торговли между Европой и Азией. Он знал, что узбекские ханства успешно торгуют не только с Россией, но также и с другими государствами — со своими ближайшими соседями киргизами и казахами, а также с Персией, Афганистаном, Индией, Китаем.

Намечая поход в Среднюю Азию через казахские и киргизские степи, Петр I говорил: «Киргиз-кайсацкая орда всем азиатским странам ключ и врата»[6]. Но другие, более важные государственные задачи отвлекали его от похода туда. Однако окончательно от этого плана Петр не отказывался, он искал подходящий случай. И вот повод скоро нашелся. В 1714 г. приехавший в Петербург именитый туркменский купец Ходжанепес доложил государю, что на Амударье добывается песочное золото и что хотя река эта, впадавшая прежде в Каспийское море, и отведена хивинцами в Аральское море, но, перекопав плотину, можно обратить ее в прежнее русло, в чем русским будут помогать и туркмены. Хивинский посланник Ашур-бек подтвердил, что в верховьях Амударьи вымывается золотой песок, и предложил государю построить крепость с гарнизоном в тысячу солдат у старого устья Амударьи. Одновременно с этим тогдашний сибирский губернатор князь Гагарин «вошел с докладом о добывании золота около Эркети (Яркенд) на реке Дарье и предложил царю назначить туда военную экспедицию, которая по пути

[6] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6973, л. 1.

могла бы, для большей безопасности, воздвигать укрепления»[7].

Ходжанепес и хивинский посол были представителями кругов, тесно связанных с русско-азиатской торговлей. Поэтому они искали у русского царя защиты своей торговой дороги от разорительных набегов кочевников. А постройка русской крепости на Каспийском море гарантировала бы им серьезную помощь царских вооруженных сил. Для российского же государства постройка такой крепости означала проникновение первого вооруженного отряда в Среднюю Азию.

Петр I не замедлил использовать указанные предложения как основание для командирования туда «изыскательной» экспедиции. В 1715 г. первый «золотоискатель», полковник Бухгольц, направляется из Западной Сибири к верховьям Сырдарьи, но никакого золота там не находит. А в 1717 г. в Хиву посылается «научная экспедиция» Бековича-Черкасского с предложениями дружбы и покровительства. В данной Бековичу секретной инструкции было сказано:

«1) Надлежит над гаванью, где бывало устье Амударьи реки, построить крепость человек на тысячу, о чем просил и посол хивинский...

3) Осмотреть место близ плотин, или где удобно, на настоящей Амударье реке для строения ж крепости тайным образом, а если возможно будет, то и тут другой город сделать.

4) Хана хивинского склонить к верности и подданству, обещая ему наследственное владение, для чего предложить ему гвардию, чтоб он зато радел в наших интересах...

8) Будучи у хивинского хана, проведать и о Бухарском: нельзя ли его хотя не в подданство, то в дружбу привести таким же образом, ибо и там... ханы бедствуют от подданных...

12) Нарядить казаков яицких полторы тысячи, гребенских 500, да сто человек драгун с добрым командиром... Командиру смотреть накрепко, чтобы с жителями обходились ласково и без тягости»[8].

---

[7] А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890, с. 63.

[8] Цит. по: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. XVIII. Кн. IV. СПб., с. 647—648.

Царь Петр, будучи дальновидным политиком, учитывал социально-политическое положение в Хиве — наличие острой классовой борьбы («ханы бедствуют от подданных»), силу и упорство народных масс в этой борьбе, отсюда и желание произвести положительное впечатление на них («чтобы с жителями обходились ласково и без тягости»). Но эта рекогносцировка в глубь Средней Азии окончилась трагично. Хивинский хан испугался возможности военного проникновения русского самодержавия в свое ханство и категорически отказался допустить к себе «дружественные» царские войска. Он не только отклонил это предложение, но и отдал распоряжение уничтожить весь царский отряд.

Однако это не изменило замыслов царского правительства. После гибели Бековича Петр I послал в Среднюю Азию Ф. Беневени, который объехал почти все ханства. 10 марта 1722 г. он писал Петру: «Ежели Вы желаете себе авантаж добрый и хорошую казну прибрать, лучшего способу я не сыскал, что к описанным местам собираться войной; сила все резонты уничтожит. Посторонних велико опасение не будет: ибо все генерально драки между собой имеют. Озбеки хивинские, бухарские... авганы в войне давно с кизылбашами; одни индейцы остались и те пуще всех в беспокойстве обретаются, для того, что тамошние князья между собой в жестокой войне»[9]. Беневени совершенно правильно заметил, что постоянные войны между местными феодальными владетелями, несомненно, облегчили бы захват их владений.

К началу 40-х годов XVIII в. для дальнейшего успешного продвижения в Среднюю Азию царизм создал крепкую опорную базу — Оренбургскую линию, т. е. сплошную линию крепостей примерно от Самары (Куйбышев) до Оренбурга. К востоку от нее возникла такая же Сибирская линия, шедшая по Иртышу от Усть-Каменогорска. «Оборонительная» (вернее, наступательная) Сибирско-Оренбургская линия тянулась почти на 4 тыс. км. Таково было начало военного продвижения царизма в Среднюю Азию.

---

[9] Цит. по: А. Н. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом.— ЗИРГО. Кн. IX. СПб., 1853, с. 317.

ЗАВОЕВАНИЕ ЦАРИЗМОМ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ И АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

XIX век, особенно его вторая половина, характеризуется развитием захватнической колониальной политики европейских государств. Ленин указывал, что «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства» [1]. И вот начался беззастенчивый раздел мира. Захват более слабых стран усиливал мощь европейских великих держав. Царская Россия также старалась не отставать и обратилась в сторону Средней Азии, в частности к территории современного Узбекистана. Царизм руководствовался при этом не только стремлением не упустить своей доли при разделе мира, но также и важнейшими причинами внутреннего свойства. Во второй половине XIX в. внутренние противоречия настолько обострились, что заставили царизм срочно искать выход. Правительство прибегло к реформе (1861 г.), провозгласившей отмену крепостного права. Эта реформа, дав толчок дальнейшему развитию производительных сил России, росту капиталистического производства и замене феодальной эксплуатации капиталистической, не только не уничтожила полуфеодальную эксплуатацию крестьянства, но углубила его бесправие и нищету, так как «„великая реформа“ была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники» [2].

---

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 595.— Здесь и далее произведения В. И. Ленина приводятся по Полному собранию сочинений, К. Маркса и Ф. Энгельса — по Сочинениям, изд. 2-е.

[2] В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция.— Т. 20, с. 173.

Реформа оставила незатронутыми такие пережитки средневековья, как помещичьи латифундии и привилегии помещиков-крепостников, тормозившие развитие капиталистического земледелия. Несмотря на некоторые положительные черты, реформа 1861 г. не могла обеспечить капиталистическое развитие страны «вглубь». Оно пошло в основном не по пути уничтожения противоречий между капиталистической крупной индустрией и архаическими учреждениями в сельской жизни (Ленин), а в значительной степени по пути «колонизации окраин», т. е. по пути развития капитализма «вширь».

Царское самодержавие считало, что дальнейшее развитие производительных сил можно с успехом заменить эксплуатацией и грабежом «инородцев». Однако, подчеркивая развитие российского капитализма «вширь», не следует забывать и о его развитии «вглубь», так как в русской действительности эти два пути были неразрывно связаны. Ленин отмечал, что «юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь» [3].

Такое развитие российского капитализма было выгодно царскому правительству, усиливавшему свою мощь; фабрикантам, которые находили в колониях нужные им рынки сбыта и источники сырья; купцам, которые расширяли торговые операции во вновь приобретенных колониях; помещикам-дворянам, одетым в офицерские мундиры, которые делали карьеру, получали деньги, чины, земли, ордена. Огромные богатства попадали в карманы аппарата власти, начиная от царя и кончая урядником.

Еще в 30-х годах XIX в. пресса пытается возбудить у русских предпринимателей интерес к азиатским рынкам, в том числе к среднеазиатским. Все азиатские рынки, неоднократно подчеркивалось в «Журнале мануфактур и торговли», должны быть своего рода привилегией для русских мануфактурных изделий, связанной с географическим положением и политическими

---

[3] В. И. Ленин. Еще к вопросу о теории реализации.— Т. 4, с. 86.

отношениями России и Средней Азии. Российские фабриканты и купцы мечтают о лаврах Ост-Индской компании, жестоко эксплуатировавшей индийские народы. Усиленно освещаются успехи англичан в Индии, строятся планы расширения русской торговли в Средней Азии и организации русско-азиатской компании по образцу Ост-Индской.

Российские фабриканты и купцы в XIX в. имели во многих городах Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств свои конторы. Например, крупнейшие владимирские и иваново-вознесенские фабриканты-мануфактуристы в конце 40-х годов сбывали бóльшую часть своей продукции на туркестанских рынках. На их хлопчатобумажных фабриках специально выделывались ситцы азиатских образцов, которые с успехом конкурировали с английскими на рынках Ташкента, Ургенча, Бухары, Самарканда, Андижана. Среднеазиатские купцы (особенно из Бухары и Хивы) имели кредит у крупнейших текстильных фабрикантов в Москве, Иванове, Шуе. Они же были главными поставщиками столь популярной среди русских крестьян дешевой среднеазиатской китайки, которую продавали на нижегородской ярмарке, почти во всех городах Поволжья, Сибири и даже в Москве и Петербурге. Выгоды, связанные со среднеазиатской торговлей, были совершенно очевидны для российской буржуазии.

Стремление России продвинуться в Среднюю Азию настораживало европейские державы вне зависимости от того, были ли они союзниками России или ее противниками. Однако царская дипломатия, в частности один из ее талантливых представителей А. М. Горчаков, всеми способами старалась ослабить эту настороженность, ссылаясь на аналогичные прецеденты в политике европейских держав. В своей циркулярной ноте к иностранным государствам от 21 ноября 1864 г. Горчаков писал: «Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех других образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации... В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буй-

ные нравы делают весьма неудобными»[4]. Царский дипломат, подобно другим европейским, в том числе английским, дипломатам, рассматривал слабые народы лишь как объект колониальной эксплуатации, не видя в них активных творцов человеческой истории. Колониальные захватнические войны заранее оправдывались «исторической миссией» сильных капиталистических государств.

Царская Россия, прежде чем приступить к систематическому продвижению в Среднюю Азию, посылала туда «научные», разведывательные, а иногда и военные экспедиции. Одну из них, в 1839 г., направленную против Хивинского ханства, возглавил генерал Перовский.

Этот рекогносцировочный военный поход был окружен глубокой тайной. Царские дипломаты боялись, как бы о нем не узнала Англия и не помешала бы ему. Но тайны сохранить не удалось. Английское правительство узнало не только о предполагаемом походе, но даже и о причине, вызвавшей якобы необходимость этого похода. Николай I решил воспользоваться наличием русских пленных в Хивинском ханстве и потребовал их освобождения. Но английские колонизаторы еще раньше послали туда своих агентов, которые, приехав в Хиву, стали сейчас же выкупать у хивинцев пленных рабов, причем только русских, и давать им свободу. Действуя таким образом, Англия хотела лишить Россию удобного предлога для военного похода и заставить ее открыто заявить о его настоящей цели — превращении Хивинского ханства в своего вассала. Однако этот маневр не подействовал. Экспедиция генерала Перовского продолжалась. Но плохая организация похода, незнание местных условий и путей привели к гибели нескольких тысяч русских солдат от скверного питания, истощения. На этот раз хивинская авантюра не удалась царизму[5].

В 1841—1842 гг. для заключения торгово-политических договоров из России были направлены в Бухару и

---

[4] Цит. по: С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1911, с. 107—108.

[5] Об этом подробнее см.: Н. А. Халфин. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с. 272—293.

Хиву дипломатические посольства, которые не дали ожидавшихся результатов [6].

Англия всеми способами стремилась помешать продвижению российского царизма в среднеазиатские ханства под предлогом опасности «возможного покорения Индии Россией». Тильзитский мир дал повод некоторым европейским политическим деятелям считать возможным франко-русский поход в Индию, что было на руку британскому правительству, которое усилило свою антирусскую деятельность в Средней Азии. Оно хотело во что бы то ни стало создать против России коалицию из Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. Английское правительство стало решительно действовать через Иран, прося его стать посредником и «побудить владетелей Хорезма (Хивы), Бухары и Самарканда оказывать всеми силами сопротивление проходу иностранных войск» [7]. Но это было лишь политическим маневром, так как царизм никаких реальных шагов в этом направлении не делал.

После неудачного похода Перовского, который подстегнул активность Англии, ее агенты пытались уговорить бухарского эмира порвать с Россией торговые отношения, а хивинскому хану предложили вступить в союз против России. Но английская дипломатия потерпела поражение. Бухарские сановники немедленно сообщили русским послам об английских предложениях «доставлять бухарцам все нужные предметы самым выгодным для них образом» [8]. Хивинский хан также отклонил предложение Англии о союзе с ней [9]. Таким образом, старания Англии оказались напрасными. Ее агенты (Конолли и Стоддарт) по приказу эмира были казнены в 1842 г. в Бухаре. Это событие повергло в смятение британских дипломатов. Они увидели в нем явный перевес царизма. В английской прессе, в частности в правительственном официозе—газете «Таймс», все чаще стали появляться статьи о том, что «покорение Индии и приобретение Константинополя — люби-

---

[6] Там же, с. 294 и далее.

[7] H. Rawlinson. England and Russia in the East. L., 1875, с. 35.

[8] ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, д. 1/1838—1841, л. 1—6.

[9] H. Rawlinson. England and Russia..., с. 154.

мая мечта каждого русского». Как раз в этот период шла ожесточенная борьба крепостнической царской России с коалицией более передовых европейских держав за проливы, которая была проиграна Россией.

Английские дипломаты расценивали стремление России в Среднюю Азию, с одной стороны, как желание получить компенсацию за проливы, а с другой — как предварительную подготовку к походу на Индию. Однако английское правительство прекрасно знало, что этой «жемчужине английской короны» такая опасность не грозила. В тот момент царизм интересовала лишь Средняя Азия. И со второй половины XIX в. царские генералы приступили к ее систематическому завоеванию.

Необходимо подчеркнуть, что к началу завоевания Средней Азии царской Россией, в частности территории теперешнего Узбекистана, между местными феодальными властителями шла непрерывная борьба, разорявшая и ослаблявшая их. Внутри своего ханства каждый из них был полновластным господином. Хан владел самыми плодородными землями. Его приближенные — беки, мирахуры, казии и другие феодалы и чиновники — также владели большими и доходными поместьями. Не было обойдено и мусульманское духовенство. Все эти земли обрабатывали дехкане, подвергавшиеся неограниченной эксплуатации, что часто приводило к восстаниям.

В 1853 г. началось продвижение царских войск в казахские и киргизские земли, захваченные одним из самых богатых государств Средней Азии — Кокандским ханством. Его разноплеменное население (узбеки, кипчаки, таджики, киргизы, казахи) подвергалось жестокой эксплуатации со стороны ханской власти и «своих» феодалов. Трудовой народ ненавидел их, что нередко приводило к вспышкам классовой и межнациональной борьбы. Вполне закономерно, что при таком положении дел ослабленному внутренними распрями Кокандскому ханству трудно было сохранить свою самостоятельность.

В 1853 г. генерал Перовский осадил кокандскую крепость Ак-Мечеть. Население крепости состояло главным образом из казахов и отчасти узбеков, в основном солдат, так как для «поддержания порядка»

в Ак-Мечети стоял гарнизон кокандского хана. Царские войска сразу не могли сломить упорного сопротивления этого гарнизона. Но некоторые, враждебно относившиеся к кокандскому хану узбекские и казахские феодалы решили сдать крепость. После захвата она была переименована в Перовск (теперь Кзыл-Орда) и стала военным и административным центром на Сырдарье. За оказанную царизму поддержку эти феодалы были награждены почетным оружием, серебряными медалями, суконными кафтанами, часами и другими подарками.

Но кокандский хан продолжал защищать свои владения. В 1860 г. его солдаты вступили в неравный бой с царскими войсками, однако снова потерпели неудачу — крепости Токмак и Пишпек были разрушены (окончательно захвачены в 1862 г.). В 1864 г. генерал Веревкин занял Сузак и Чолак-Курган, а генерал Черняев — Аулие-Ата. Таково было задание царского правительства. Однако воинственный пыл и «усердие» царских генералов не имели пределов, и вот «сверх программы первый взял еще город Туркестан, а второй — Чимкент» [10].

Генерал Черняев был ярым шовинистом. В его глазах узбеки, киргизы, кипчаки и другие народы, населявшие Кокандское ханство, были не люди, а «халатники, которых бить следует уже за одни халаты» [11]. Захватив Чимкент, Черняев двинул свои войска к Ташкенту.

Но эта первая попытка захватить Ташкент не увенчалась успехом. Население Ташкента получило подкрепление из Коканда, которое привел кокандский сановник Алымкул. Жители Ташкента оказали серьезное сопротивление и отбросили царские войска. В этой борьбе погиб Алымкул. Черняев отступил. Но весной 1865 г. он снова пошел на штурм Ташкента. По дороге им была занята и разрушена крепость Ниязбек, расположенная недалеко от Ташкента. Взяв эту крепость, царские войска стали хозяевами двух глав-

---

[10] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. 3, СПб., 1906. Прил. с. 3; см. также: Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, с. 159, 171 и др.

[11] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. 3. с. 3.

ных рукавов Чирчика, обеспечивавших водой население Ташкента и его окрестностей. После четырехдневного сопротивления Ташкент пал. При взятии его царским войскам «пришлось преодолеть очень сильное сопротивление. Улицы были местами забаррикадированы; приходилось брать с бою даже отдельные дома» [12]. Под его стенами полегло также немало царских солдат — забитых, бесправных русских крестьян в серых шинелях, воевавших за чуждые им интересы русских помещиков и буржуазии. А генерал Черняев за взятие Ташкента получил от Александра II шпагу, усыпанную бриллиантами.

Как отмечалось выше, большинство местных феодальных властителей не только не поддерживали друг друга в борьбе с царизмом, а, наоборот, один радовался поражению другого. Так, сменивший Черняева генерал Романовский писал в 1866 г.: «Они не скрывают уже ненависти друг к другу, все бухарские и кокандские посланцы, бывшие у меня в последнее время, не раз выражали мне готовность помогать нам в случае нашего наступления: кокандцы — при наступлении на Бухару, а бухарцы — при наступлении на Коканд» [13]. Некоторая часть местного населения Ташкентского бекства бежала в Чимганские горы. Собираясь там большими группами, беглецы спускались вниз и, пробираясь за Чирчик, нападали на царские отряды. Но силы были неравны. Несравненно лучше вооруженные царские войска рассеивали отряды повстанцев. Обычно в таких случаях именно военная техника решала исход дела.

После падения Ташкента бухарский эмир, увидев, что его государство находится под непосредственной угрозой, сильно укрепил крепости Ура-Тюбе и Джизак. Он даже попробовал предъявить русскому царю ультиматум — отдать Бухарскому ханству отнятые у кокандцев Ташкент и Чимкент. Но посол эмира был задержан в Казалинске, а эмиру было сказано, что не только никогда и никто ему больше не позволит рас-

---

[12] История Узбекской ССР. Т. 2. Таш., 1968, с. 23.

[13] Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А. Г. Серебренников. Т. 22. Таш., 1916, с. 18—19.

ширять свои владения, но и то, что он имеет, он потеряет. 8 мая 1866 г. в бою под Ирджаром бухарская армия была разбита, а царские войска продолжали наступление. Они осадили крепости Ходжент, Ура-Тюбе и Джизак. Население этих крепостей оказывало упорное сопротивление. Взятие Ура-Тюбе потребовало больших усилий. Крепость Джизак, окруженная тройными стенами, героически защищалась. Многие из джизакских воинов были одеты в латы и шлемы; в их руках были большие кожаные щиты с золотыми и серебряными украшениями. Но наряду с этим типично феодальным оружием некоторые имели револьверы и нарезные ружья европейского образца, полученные эмиром из Индии от английских колонизаторов.

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский написал письмо джизакскому беку с предложением «покориться», иными словами — сдать Джизак. Крыжановский писал 12 октября 1866 г.: «Вы хорошо знаете, что в короткое время русские войска взяли много городов и крепостей — кокандских и бухарских... Защита Джизака не спасет его... Могу обещать Вам, что в случае сдачи крепости без сопротивления дозволено будет выйти из нее, кто куда пожелает. Если Вы сами, Ваше семейство и кто иной пожелаете поселиться в местах, занятых уже русскими войсками, то обещаю всем перешедшим полную безопасность, спокойную жизнь и Вам лично покровительство»[14]. Но жители Джизака не сдались. Только через пять суток крепость была взята.

В 1867 г. было образовано самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство, в состав которого входили Сырдарьинская и Семиреченская области.

Продвижение царской России в Средней Азии угрожало интересам Англии, которую волновал вопрос «о разграничении сфер влияния»[15]. Царское самодержавие старалось не афишировать своих захватнических намерений. Его дипломаты внушали европейскому общественному мнению мысль, что Россия «вынуждена защищать интересы христиан в варварской стране»,

---

[14] Там же, с. 114.

[15] Подробнее см.: Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965, с. 249—261.

что она «несет на Восток свет, и знания, и культуру». А иногда просто заявляли, что, дескать, «своевольный» генерал вопреки желанию правительства «взял да захватил Ташкент». В то же самое время на далеких берегах Невы этих «своевольных» генералов награждали чинами и орденами.

В 1867 г. туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал К. П. Кауфман. В 1868 г. он предложил кокандскому хану Худояру подписать кабальный договор, обещая ему защиту в случае народного возмущения. Договор содержал пять пунктов: предоставить русским купцам право посещать все города ханства; дать им право устраивать свои караван-сараи, где захотят; дать им право иметь своих караван-башей во всех городах ханства; уравнять пошлину русских и мусульманских купцов; предоставить русским караванам свободный проход в соседние с Кокандом владения.

Кокандский хан, подписав этот договор, стал вассалом царской России. Обезвредив и нейтрализовав таким образом кокандского владыку, Кауфман двинулся на Бухарское ханство. В 1868 г. он занял Самарканд и, оставив в нем гарнизон, направился дальше, на Катта-Курган. На Зерабулакских высотах царские войска вступили в бой с восьмитысячной бухарской армией, которая потерпела полное поражение.

В это время войска шахризябского бека окружили самаркандскую цитадель. Целую неделю они осаждали Самарканд, но удачное расположение царского гарнизона дало ему возможность дождаться подкреплений. На помощь подоспел Кауфман со своими войсками. Местные войска были разбиты.

Русско-бухарская война 1868 г. закончилась захватом Самарканда, Катта-Кургана с прилегающими районами и превращением их в Зеравшанский округ Туркестанского края. Занятие долины Зеравшана ставило Бухарское ханство в полнейшую зависимость от царской власти в водном вопросе: именно Зеравшанский округ контролировал снабжение всего Бухарского ханства водой. Царские колонизаторы заявляли с беспредельным цинизмом: «Сохранив Самарканд за собой, мы всегда можем оставить Бухару без хлеба и воды, обречь ее на голод и жажду, а это давало бы нам возможность регулировать страсти фанатического насе-

ления путем спасительной диеты»[16]. Борьба местного населения за свободу и независимость рассматривалась царизмом как фанатизм.

Разгромив бухарские войска, Кауфман поставил Бухарское ханство в вассальную зависимость от царской России. По договору от 23 июня 1868 г. эмир должен был внести 500 тыс. руб. контрибуции, т. е. оплатить с лихвой все расходы царизма на войну с его ханством. Естественно, что вся тяжесть этой контрибуции ложилась на плечи народа. Кроме того, эмир лишался права сноситься с иностранными государствами, а также обращаться со своими нуждами непосредственно к царю; и то и другое он должен был делать лишь через генерал-губернатора (по словам современников, Кауфман называл эмира исправнейшим из своих уездных начальников). Остальные пункты договора, требовавшие широкого доступа в ханство русским купцам, их экстерриториальности, освобождения почти от всех налогов и сборов, практически означали экономическое подчинение ханства интересам российской экономики.

В 1870 г. было сломлено сопротивление беков Матчи, Кштута, Фальгара и других мелких феодалов. Их владения были присоединены к Зеравшанскому округу. Потерпели также поражение правители крупных бекств — Шахризябса и Китаба. Почти все феодальные властители побежденных бекств начали сдаваться на милость победителей. В Ташкент приехали с повинной беки Шахризябса и Китаба Джурабек и Бабабек. В Самарканд явился кштутский бек Саид, а матчинский Гуссейнбек в связи с болезнью не мог приехать, но отправил к Кауфману посланца с просьбой о дружбе. Конечно, все они были «великодушно прощены» и приняты на царскую службу.

В борьбе за господство в Средней Азии английское и российское правительства напряженно следили друг за другом. Так, в Англии в начале 70-х годов XIX в. при помощнике статс-секретаря по делам Индии лорда Аргайля был специальный чиновник, единственной обязанностью которого было читать русские газеты и

---

[16] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Т. 1, с. 471—472.

сообщать Аргайлю все, что пишется в России о событиях в Средней Азии [17].

В 1873 г. генерал Кауфман во главе хорошо вооруженного войска двинулся на Хиву. Ханская армия не могла оказать серьезного сопротивления. Поход на Хиву еще более обострил англо-русское соперничество и вызвал напряженный интерес других европейских держав. Лицемерные капиталистические хищники, в том числе и американские, возмущались «варварством» царской России. Большой популярностью пользовалась книга молодого американского дипломата Скайлера, описывавшего военные операции против Хивы [18]. Но громче всех, конечно, звучал голос Англии. О том, какое большое значение английское правительство придавало подчинению Хивинского ханства, свидетельствует хотя бы тот факт, что тронная речь королевы во время открытия английского парламента в 1873 г. во многом была посвящена среднеазиатским событиям. Книги, брошюры, статьи, географические карты, освещающие продвижение царской России в Среднюю Азию, раскупались в Лондоне нарасхват. В Лондонском географическом обществе читались доклады об «агрессии русских», звучали призывы быть готовыми к войне с ними. В прессе выделялись два течения: открыто русофобское (прежде всего консервативная партия) и придерживавшееся более умеренных взглядов (либералы). Выразителем первого были главным образом текстильные фабриканты, для которых захват Хивы царизмом означал усиление позиций российской текстильной промышленности, и поэтому они с пеной у рта доказывали, что Россия нарушила обещания, якобы данные Горчаковым лорду Гренвилю, «оставить хивинский народ в покое». Но дело было не столько в Хиве, сколько в опасении потерять значительные выгоды при дележе мира.

Французская официальная пресса выступала по преимуществу на стороне России, считая Англию своим колониальным соперником и радуясь ее поражению. Поэтому она старалась убедить широкие общественные круги Франции в «цивилизаторской миссии» России и в

[17] Русские ученые — исследователи Средней Азии. А. П. Федченко. Сборник документов. Таш., 1956, с. 91.

[18] E. Schuyler. Turkestan. L., 1886.

том, что главный враг Франции не она, а Англия. Например, французский официоз «Журналь де деба» в июле 1873 г. писал: «Торговля британских островов может пострадать от соперничества русских в Средней Азии... Всякий русский вправе повторить — Англия менее, чем кто-либо другой, имеет право негодовать на то, что Россия, которую она же хотела выключить из ряда западных держав, обратила свое внимание на Восток».

Германия в этот период явно была на стороне России. Немецкая пресса заявляла, что Англия боится, как бы Россия не проникла в Китай и не усилила там свое влияние в ущерб английскому. В Германии имела широкое распространение книга под заглавием «Русские в Центральной Азии», где говорилось, что «Россия, владея Туркестаном, может проникнуть в Китай через Южную Монголию и поставить свои амурские владения в непосредственные и прямые сношения со Средней Азией. Это усилило бы влияние русских в Китае, чего сильно опасаются англичане, между тем как сами они подавляют Китай своим влиянием и извлекают из него беспримерные выгоды, но они считают вопиющим захватом успешный шаг русских к сближению с Востоком» [19].

Таким образом, весь капиталистический мир считал захват слабых среднеазиатских ханств само собой разумеющимся — в этом проявлялась присущая капитализму тенденция к безграничному захвату колоний. Вопрос был только в том, кто из капиталистических хищников скорее урвет этот лакомый кусок — царская Россия, Англия или кто-нибудь другой.

Стараясь успокоить Англию, видевшую в захвате царскими войсками Хивы casus belli, царизм искусно разыграл комедию в Хивинском ханстве. Петербург не стремился к изменению его политического положения или государственного строя. Хотя в самый разгар борьбы хивинский хан бросил свои войска и сбежал в туркменскую пустыню, царские власти решили привлечь его на свою сторону. В условиях мира, продиктованных Кауфманом правителю Хивы 12 августа 1873 г.,

---

[19] F. Hellwald. Die Russen in Zentralasien. Augsburg, 1873, c. 191—193.

было сказано: «Так как присоединение вновь покоренной страны к Российской Империи не входило в высочайше предначертанный план действий, то Туркестанский генерал-губернатор предлагает удалившемуся к туркменам законному владетелю ханства Сеид-Мухаммед-Рахим-Богадур-хану вернуться в столицу для принятия от него утраченной власти и прежних прав». Но эта политическая независимость была только номинальной. В первом же пункте условий мира было сказано, что хан «признает себя покорным слугой императора всероссийского. Он отказывается от всяких непосредственных дружеских отношений с соседними владетелями и ханами... и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпринимает никаких военных действий против них» [20].

На хивинские народные массы была возложена контрибуция в 2200 тыс. руб. Кроме того, из земель ханства, расположенных по правую сторону Амударьи, и из части Кызылкумских степей был образован Амударьинский отдел Сырдарьинской области. Эта территория была населена в основном каракалпаками и узбеками.

В 1873 г., во время хивинской войны, народные массы Кокандского ханства восстали против ненавистного им Худояр-хана. Но ханские войска при помощи царского оружия подавили это восстание. Однако летом 1875 г. оно вспыхнуло с новой силой. Поднялись оседлые и кочевые народные массы узбеков, таджиков, кипчаков, киргизов и, объединившись, двинулись на столицу ханства — Коканд. Некоторые из феодалов по тем или иным причинам участвовали в восстании. К одной из повстанческих групп примкнул сын убитого Худояром кипчакского родового вождя — Абдуррахман Афтобачи, ненавидевший хана. Во главе другой повстанческой группы встал некий Пулат-хан. Его личность пока недостаточно ясна. Некоторые считают его феодалом, другие же доказывают, что он был выходцем из народа.

Повстанцы разделились на два самостоятельных отряда: сторонники Афтобачи, в основном его сороди-

---

[20] См.: С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915, с. 179—180.

чи-кипчаки, и приверженцы Пулат-хана — узбеки, бежавшие из Андижана и других кокандских городов. Еще в 1874 г. Афтобачи, видя уважение и доверие восставших к Пулат-хану, пытался уничтожить его группу, а самого Пулата захватить. Но последнему удалось скрыться. И лишь когда генерал Троцкий начал наступление на оба повстанческих отряда, они стали действовать вместе против общего врага. Однако «скопища Пулат-хана и Афтобачи никогда не соединялись вместе... Вражда происходила от того, что Афтобачи, знавший о самозванстве Пулат-хана, относился к нему с дурно скрываемым презрением, а самозванец, со своей стороны, платил ему за то искренней ненавистью» [21].

Когда повстанцы подошли к Коканду, Худояр с 6 тыс. солдат и 68 орудиями бросился бежать из города. Но в 8 км от него он был брошен своими солдатами, которые вернулись назад и присоединились к повстанцам. Худояр добрался до Ходжента (ныне Ленинабад), а потом до Ташкента — под защиту Кауфмана. Однако народная ненависть к нему была настолько велика, что Кауфман впоследствии был вынужден послать его на жительство в Оренбург, откуда он через некоторое время бежал, покинув пределы России.

Царские войска вступились за «попранные права» хана. Войска повстанцев сосредоточились в крепости Махрам, около 44 км от Ходжента. Они начали наступать на Ходжент и намеревались двинуться на Ташкент. Узнав об этом, царские генералы Кауфман, Головачев и Скобелев двинули войска к Ходженту и Махраму. Повстанцы пошли в наступление, но были разбиты превосходящими силами противника и отступили к Маргелану. 29 августа 1875 г. пал Коканд. Он был взят без боя, так как новый хан Насреддин, сын Худояра, сдал его Кауфману. По следам отступавших повстанцев был послан карательный отряд. Военное министерство предписало Кауфману ликвидировать очаг восстания — Кокандское ханство. Пригласив к себе Насреддина, Кауфман заключил с ним договор, по которому все правобережье Сырдарьи отходило к царской России. Так был образован 17 октября 1875 г. Наманганский отдел Туркестанского края.

---

[21] «Туркестанские ведомости». Таш., 24.II.1876.

Этот акт вызвал новый взрыв негодования народа. Несмотря на казни, многочисленные аресты и ссылки «недовольных» в северные, непривычные для узбеков, киргизов и других по своим климатическим условиям губернии царской России (Олонецкую, Вологодскую, Архангельскую), восстание не утихало. Отряды повстанцев все пополнялись. В течение октября — декабря 1875 г. упорные бои продолжались. Настоящие битвы происходили в Андижане, Тюря-Кургане, Намангане, Балыкчах. В Коканде повстанцы напали на ханский дворец и разгромили его. Насреддин с кучкой приближенных едва спасся, бежав в Ходжент. Потом он перебрался в Ташкент под покровительство генерал-губернатора.

Войска Скобелева, возглавлявшего карательный отряд, открыли по повстанцам артиллерийский огонь и заставили последних отступить. Скобелев сжег Андижан, уничтожил все кишлаки, расположенные в долине Карадарьи. Но повстанцы не хотели смириться, они не обращали внимания на приказы своих вождей изъявить покорность. Плохо вооруженные, они, собираясь отрядами в 800—1000 человек, нападали на регулярные царские войска; многие из них погибли. В конце января 1876 г. сдался Скобелеву один из вождей — Абдуррахман Афтобачи вместе со своим приближенным Исфандиаром-датхой. Такой поступок был вполне закономерен для Афтобачи. Еще до разгрома восстания он объяснял туркестанскому генерал-губернатору, что примкнул к повстанцам, не разделяя их политических взглядов, а лишь для того, чтобы использовать революционный накал борьбы и освободиться от произвола и бесчинств Худояр-хана [22]. Ответом восставших на измену Афтобачи было убийство трех его братьев.

В ночь на 28 января 1876 г. Исфандиар-датха привел царских карателей в кишлак Уч-Курган, где расположились на ночлег 5 тыс. повстанцев с семьями и имуществом, так как они собирались уйти через Алайские горы в Каратегин. Нападение было внезапным, повстанцы почти все погибли. Пулат-хан попал в плен и был повешен. Предатель Афтобачи, спасаясь от на-

[22] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, л. 88—89.

родного гнева, выехал в Екатеринослав, где и жил до 1881 г. После его смерти ежегодная пенсия в 3 тыс. зол. руб. перешла его жене и дочери. Царизм щедро оплачивал своих слуг.

Народные массы, участвовавшие в кокандском восстании 1875—1876 гг., выступили не только против местных феодальных угнетателей, но и против царизма, убедившись в их сотрудничестве. Восстание приобрело массовый, народный характер. Так, генерал Куропаткин писал в докладе высшему командованию: «Борьба происходила не с ханом, а с народным движением, которое не так легко подавить... бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств»[23]. Но неорганизованность, стихийность восстания не могли привести к единству действий и обусловили его разгром.

19 февраля 1876 г. Александр I подписал указ, ликвидировавший Кокандское ханство. Вместо него была образована Ферганская область Туркестанского края, а генерал Скобелев в качестве ее военного губернатора олицетворял собой верховную власть. Так в 1876 г. закончился захват всей территории современного Узбекистана.

Таким же путем была включена в состав Российской империи и остальная часть Средней Азии. С 1879 г. началось систематическое завоевание туркменских земель. Туркменский народ также героически защищался. Но силы и здесь были неравны. В 1881 г. Скобелев взял крепость Геок-Тепе, Куропаткин занял Ашхабад, а в 1884 г. в состав России добровольно вошел Мерв.

Новые успехи царских властей в Средней Азии вызвали волну беспокойства среди британских экспансионистских кругов. Английское правительство, по остроумному замечанию одного из его министров, в связи с падением Мерва перешло от «нервозности» к «мервозности»[24].

Европа насторожилась. Многим казалось, что война России с Англией неизбежна, но все уладилось. «С 1878 года... до 1885 г., когда Россия была на воло-

---

[23] ЦГА УзССР, ф. 715, оп. I, д. 67, л. 314.

[24] См. «На зарубежном Востоке». 1934, № 2, с. 57.

сок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее против России — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»[25]. Так из-за Средней Азии чуть не разыгралась война между двумя державами за получение огромного лакомого куска при разделе мира.

К концу XIX в. уже вся Средняя Азия в той или иной форме вошла в состав царской России.

---

[25] В. И. Ленин. О сепаратном мире.— Т. 30, с. 186.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

На первых порах царизм с большой осторожностью приступал к освоению новой колонии. Царские генералы старались не восстанавливать против себя местные свободолюбивые народы, опасаясь восстаний.

В 1866 г. был введен проект Положения о Туркестанской области. Это Положение вносило изменения во внутреннюю структуру занятой территории. Во главе области был поставлен военный губернатор, чиновники которого следили, чтобы народ выполнял все повинности, установленные еще ханами с давних времен. Но главное в Положении 1866 г. было то, что вновь образованную Туркестанскую область разделили на военно-административные единицы, управлять которыми были поставлены царские офицеры. Такое деление нарушало национальные и экономические интересы населения.

Вначале военный губернатор подчинялся оренбургскому генерал-губернатору, который, в свою очередь, был подчинен военному министру. Важную роль играла Азиатская часть главного штаба, в ведении которой находились народы Камчатки, Сахалина, Сибири, Дальнего Востока, Закавказья, Средней Азии, в том числе и вся территория современного Узбекистана. Генерал-губернаторами и губернаторами этих областей назначались самые преданные и верные царю люди. Эти представители царизма были прежде всего выразителями и защитниками интересов господствующих классов. Однако, преследуя единую цель, они по-разному проводили ее в жизнь.

Первым военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал М. Г. Черняев. Он еще не обладал всей полнотой власти, так как обязан был отчитываться перед оренбургским генерал-губернато-

ром. Но это подчиненное положение ни в какой мере не мешало ему откровенно наживаться. Хотя российская буржуазия и называла его «Ермаком Средней Азии, открывшим нам широкие врата в обширный богатый край»[1], по существу он использовал служебное положение для личного обогащения. Многие подчиненные ему русские солдаты гибли от скверной, гнилой пищи. Черняев еще в 1863 г., будучи начальником Ново-Кокандской передовой линии, во время разведок на Сырдарье и на Каратаусском хребте узнал об открытии на северном склоне этого хребта, около Чулак-Кургана, месторождения каменного угля. Эту находку он решил «положить себе в карман». В 1865 г., став военным губернатором захваченных областей, он потребовал закрепить за ним право собственности на это месторождение. Но даже военное министерство, привыкшее к беззаконным действиям своих служащих и покровительствовавшее им, решительно отказало Черняеву, попросив оренбургского генерал-губернатора Крыжановского разъяснить своему подчиненному «о неудобоисполнимости его предложения»[2]. Пробыв в должности военного губернатора Туркестанской области около восьми месяцев, Черняев пытался предпринять новый поход против Бухары. Этот поход оказался неудачным, и в Петербурге решили отозвать Черняева.

В 1867 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, состоявшее из Сырдарьинской и Семиреченской областей. В 1868 г. к ним присоединили Зеравшанский округ, в 1873 г.— Амударьинский, в 1876 г.— Ферганскую область, а в 1899 г.— всю Закаспийскую область. Туркестанский генерал-губернатор обладал неограниченной военной и гражданской властью. Фактически Туркестанский край все время находился на военном положении и управлялся «в особом порядке». Генерал-губернатор был и командующим войсками.

Первым генерал-губернатором Туркестанского края был К. П. Кауфман. Выбор царя пал на него не случайно. В начале 60-х годов Кауфман был директором канцелярии военного министерства в Петербурге. Потом его назначили виленским генерал-губернатором.

[1] «Новое время». СПб., 4.V.1913.

[2] ЦГА УзССР, И-1, 1868, оп. 15, д. 3, л. 5.

Будучи в Вильно, он категорически запретил печатать литовские (жмудские) книги латинским шрифтом. «Навсегда прекратить употребление латинских букв в жмудьском языке»[3], — приказал он, будучи убежденным русификатором. Иными словами, целый народ лишался возможности читать книги на своем родном языке.

В 1867 г. Кауфман приехал в Ташкент, который стал столицей всей среднеазиатской окраины. Царское правительство, дворяне, буржуазия называли Кауфмана «устроителем Туркестанского края». Эта оценка с несомненностью свидетельствует о том, что Кауфман был всецело защитником их интересов, служил им верой и правдой в течение пятнадцати лет (1867—1882).

Кауфман обладал огромными полномочиями как представитель царского абсолютизма в колонии. Ему была дана «золотая грамота» на управление страной; это была царская верительная грамота в золотом парчовом переплете. Кауфман, рассчитывая на внешний эффект, пользовался ею для внушительности. Российские колонизаторы хвастались, что «туземцы» называли Кауфмана «ярым падишах», т. е. полуцарь, но никогда не упоминали о том, что трудовой народ прозвал его «джульбарс аччики», т. е. «злобный тигр». Подобно любому колонизатору, Кауфман был не устроителем, а угнетателем. Лицемерно произнося многообещающие и прекраснодушные речи о «налаживании военно-народного управления», на деле он беспощадно расправлялся с народом за малейшую попытку к освобождению. Он имел право высылать людей без суда и следствия, чем часто и пользовался. Кауфман боялся народных восстаний. Так, в 1867 г. он писал министру Милютину, что «мусульмане показывают столько холодной сдержанности, столько равнодушия, даже неуважения к представителю верховной власти, что можно предположить существование какого-нибудь лозунга... Я пришел к убеждению, что настроение умов здесь неладное, что нерасположение к русской власти и готовность воспользоваться удобным случаем, чтобы освободиться от нее, действительно существует»[4].

---

[3] ЦГИА СССР, ф. 640. Архив Кауфмана, папка II.

[4] Цит. по: История народов Узбекистана. Т. 2. Таш., 1947, с. 235—236.

Совет при генерал-губернаторе состоял из таких же офицеров-дворян, как и сам Кауфман. Государственная служба в Туркестане была в основном монополией царских офицеров и чиновников-дворян.

Туркестанский край делился на области. Во главе каждой из них стоял военный губернатор — он же командующий войсками. В некоторые города назначались военные городские начальники. Уездами единолично управляли уездные начальники. Именно военное управление и могло быть той единственной политической формой, которая обеспечивала власть господствующих классов царской России в далекой колонии.

Царское правительство, приступив к закабалению пятимиллионного народа, естественно, не могло рассчитывать только на свои силы. Придя в чужую страну и захватив ее, оно начало искать в ней опору.

Уже в ходе присоединения Средней Азии к России выявились классовые союзники царских властей. Это были многие ханы, беки, купцы и прочие узбекские, таджикские, казахские и другие эксплуататоры, сдававшие царским генералам города и крепости за поддержку в борьбе против своего народа, за сохранение власти, за титулы, награды, прибыли. Кокандские сановники, купцы вроде Мирзы Хакима, феодалы, такие, как наследники Миан-Фазиля, выдававшие губернатору недовольных властью царя, — все они были осыпаны царскими милостями. Правительство хорошо понимало, кто его друг, а кто — враг. Ориентируясь на местные господствующие классы, оно жестоко расправлялось с теми их представителями, которые стремились сохранить свою политическую самостоятельность.

Царизм, обеспечив себе союзников внутри Туркестана, приступил к дальнейшему «административному устройству» страны. Первый генерал-губернатор Кауфман, не забыв услуг, оказанных представителями местных господствующих классов и предполагая найти в них своих верных помощников, 22 января 1868 г. собрал ташкентских «почетных» жителей и обратился к ним со следующей речью: «Для того чтобы упрочить внутреннее устройство края, благополучие живущих в нем русских, сартов и киргизов, государю угодно было повелеть мне обсудить здесь, на месте, как именно

применить к делу законы, которые были написаны в Петербурге для всех жителей Туркестанского генерал-губернаторства. Эти законы составлены так, что могут дать вам счастье, если только вы его пожелаете. Таким образом, правительство полагает возможным предоставить ташкентским, как и всем другим сартам право выбирать правильным образом арык-аксакалов, аксакалов и казиев с подчиненными им лицами»[5].

Это «право выбирать», данное якобы всему народу, было обычной иезуитской уловкой царского правительства. Нередко в число местной администрации выбирались люди, рекомендованные губернатором или уездным начальником. Открывался также широкий простор взяточничеству. Тот, кто хотел быть избранным, обычно подкупал своих избирателей. Очень часто тому, кто хотел попасть в число кишлачной или городской администрации, подкуп избирателей стоил несколько тысяч рублей. Но кто же мог попасть в число аксакалов, волостных управителей, сельских старшин, казиев и прочих? Конечно, только представители местных господствующих классов, имевшие деньги и хорошо известные царским чиновникам.

Придя к власти, все эти люди с лихвой покрывали свои затраты по выборам. Кстати, и губернаторы не бескорыстно давали свои рекомендации. Губернатор всегда мог провести в состав местной администрации именно тех, кто был ему нужен и полезен. Таким образом, «выборные начала», данные якобы всему местному населению, были обманом. Фактически оно было почти лишено избирательных прав. Состав «выборных» обычно предрешался царской кликой. Чайрикеры (издольщики), мардикеры (батраки), бедняки не могли участвовать в выборах даже самого низшего кишлачного начальства — еллик-баши, так как для участия в них надо было ежедневно зарабатывать не менее 3 руб. Кишлачная же беднота в среднем зарабатывала не больше 20—45 коп.

В 1867 г. был введен проект временного Положения об управлении Туркестанским краем. В этом Положении были четко установлены военно-полицейские функции колониального аппарата власти, начиная с гене-

[5] Цит. по: А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Таш., 1912, с. 63—64.

рал-губернатора и кончая городовым, волостным старшиной и аксакалом. Миллионы местных трудящихся были отданы на произвол царской администрации. Положение узаконило также одну из внеэкономических сторон колониального принуждения — правовую, т. е. организацию суда. По законам Российской империи судейские чиновники должны были непременно иметь специальное образование, но к судьям Туркестана это не относилось. Как пишет изучавший положение в Ташкенте А. И. Добросмыслов, нередко «судья в городе был без юридического образования, а областной суд изображало из себя областное управление, члены которого были простые канцеляристы с низшим образованием... Русский суд по отношению к сартам часто заменялся административными распоряжениями... заключали в тюрьму не только без суда и следствия, но и без всякого письменного постановления, по одному словесному распоряжению. Таким же порядком... и освобождали из тюрьмы»[6]. Простой народ не мог найти защиты и у местных народных судей: казиев (у оседлого населения) и биев (у кочевого). Одни судили по шариату, другие — по адату. Само собой разумеется, что господство обычного права, как и прежде, создавало исключительный простор для произвола биев и казиев. Язвительную характеристику этой категории эксплуататоров можно было прочесть еще в 1872 г. на страницах сборника «Русский Туркестан»: «Казии... не были безупречны. Человеческие слабости, присущие и этим стражам законности, оказывали свое вечное и неизменное влияние на решения казиев... но за преданность таких казиев правительству, волею которого они были поставлены судить народ, — во всяком случае можно поручиться»[7]. Естественно, что такие казии не защищали народных интересов. Таковы были представители как высшей, так и низшей местной власти. Недаром узбекский народ называл волостных, аксакалов и еллик-баши «байскими хвостами». Известный поэт Турды писал о них: «Здесь скряги правят скорый суд — отродьем дьявола слывут»[8].

---

[6] Там же, с. 108.

[7] Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 1. М.—СПб., 1872, с. 20.

[8] Антология узбекской поэзии. М., 1950, с. 209.

На протяжении пятидесятилетнего хозяйничанья царизма в Туркестане там господствовали насилие, взяточничество. Например, военный губернатор Сырдарьинской области Головачев (1867—1877) так бесцеремонно обирал население, что даже царь хотел отдать его под суд, но пожалел «ввиду прежних его боевых заслуг»[9]. Такими же были и многие другие царские чиновники.

Царские законники, покровительствуя взяточникам, принадлежавшим к господствующему слою, бедняков сажали в тюрьму за украденный медный грош. В бумагах канцелярии туркестанского генерал-губернатора можно найти много таких дел. Например, в 1890 г. было заведено дело на десяти листах по поводу того, что один узбекский дехканин Джурабай Зарифов, найдя на улице 92 копейки, осмелился не передать их в казну. За такое «преступление он должен был быть оштрафован, а если у него нет денег, то посажен в тюрьму»[10].

Для утверждения царской власти в Туркестане и «водворения мира» российские колонизаторы с успехом использовали доставшееся им наследие в виде чрезвычайной национальной пестроты. Они еще усиливали эту пестроту. Искусственно раздробив Туркестан на уезды и области, они объединяли в них представителей различных народов и натравливали эти народы один на другой. Эта искусственная национальная раздробленность была выгодна царизму, так как препятствовала всякому самостоятельному национальному развитию. Царизм стремился к тому, чтобы взаимная вражда народов ослабляла их силы, чтобы делала невозможным их совместное выступление против него.

По царским законам узбекский народ был отнесен к разряду «населения, управляемого в особом порядке», т. е. лишен элементарных гражданских прав. Все население Туркестана носило презрительную кличку «инородцы». Политическое бесправие колониальных масс было вопиющим. Местным труженикам не разрешали сидеть на скамейках главных улиц русской части Ташкента в национальных костюмах. В трамвае они

[9] А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 95.

[10] ЦГА УзССР, И-1, 1890, оп. 5, д. 538.

должны были стоять только на площадке. Приказ губернатора обязывал «с почтением и уважением» кланяться всем представителям новой власти. И все же великодержавные шовинисты не стыдились заявлять: «Наша политика по отношению к покоренным народам есть политика гражданского равноправия. Житель только что... взятых Ташкента, Самарканда и т. д. делается сразу таким же русским гражданином, каков, например, житель Москвы» [11]. Но это пресловутое равноправие касалось лишь незначительной кучки местных эксплуататоров.

Народы Средней Азии, в том числе узбекский, были носителями высокой культуры, которая в течение многих веков давала миру передовых ученых своего времени, поэтов и писателей. Имена Ибн Сины (Авиценны), Навои, Улугбека, аль-Хорезми, ар-Фергани, Фараби, Бируни и многих других стали гордостью мировой культуры. Главными очагами образования в те времена были мактабы — низшие школы и медресе — мусульманские богословские высшие учебные заведения. Образование в этих учебных заведениях носило схоластический религиозный характер.

Царское правительство учло такое положение. Поэтому, несмотря на свои декларации о том, что Туркестан — варварская страна, что народы, его населяющие, — дикари, которые только и ждут цивилизаторского воздействия царизма, оно в основном не затронуло старые мусульманские институты. В связи с этим там не было широкого поля деятельности и для православных миссионеров. К принятию христианства местное население не принуждалось, хотя за добровольный отказ от мусульманства была определенная плата — «мусульмане, принимавшие христианство, получали от генерал-губернатора пособие» [12].

Политика царизма по «мусульманскому вопросу» находила свое выражение в покровительстве мусульманскому духовенству. Эту политику ставили в пример своим колонизаторам европейские публицисты, особенно германские. Они подчеркивали, что царской Рос-

---

[11] Цит. по: М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, с. 360.

[12] ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, д. 140. 1903.

сии почти удалось избежать крупных политических выступлений в Туркестане не только благодаря военной силе, но и благодаря «их гениальной политике по отношению к исламу» [13]. Но это отнюдь не означало, что царизм полностью отказался от своей излюбленной русификаторской политики в Туркестане. В общественных местах, государственных учреждениях, губернаторских канцеляриях, судах, банках делопроизводство велось только на русском языке. Чиновники обычно прибегали к помощи переводчиков.

Единственной газетой на узбекском языке была правительственная «Туркестанская туземная газета», изданием которой руководил губернаторский чиновник, магистр богословия Н. П. Остроумов.

Русификаторская политика царизма по своей сущности не могла быть благом для узбекского народа. Ленин дал блестящую оценку этому «благу». Он говорил, полемизируя с либералами: «Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство... Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*. Мы не хотим загонять в рай дубиной» [14].

Царские чиновники организовывали так называемые русско-туземные школы, где дети местного населения (главным образом дети баев, мулл, казиев, купцов) изучали русский язык. Эти школы создавались с вполне официальной целью — готовить должностных лиц для местной администрации, преданных царской власти, которым впоследствии «будет предоставлено внутреннее управление туземным населением по всем делам, не имеющим политического значения». Но число даже этих школ было крайне ограниченно. Народ оставался неграмотным. По данным переписи 1897 г., среди таджиков было неграмотных 99,5%; киргизов — 99,4; туркмен — 99,3; узбеков — 98,4; казахов — 97,9%. Эти цифры свидетельствовали о вопиющем положении в области просвещения. Так, журнал «Вестник воспитания» писал: «Для ликвидации неграмотности насе-

[13] H. Reinhard Junge. Das Problem der Europäisierung der Orientalischer Wirtschaft. B., 1913, c. 112.

[14] В. И. Ленин. Нужен ли обязательный государственный язык? — Т. 24, с. 294—295.

ления Средней Азии и Казахстана понадобится 4600 лет»[15]. И в последующие годы это дело не сдвигалось с мертвой точки. Даже бывший генерал-губернатор Туркестана Н. А. Куропаткин признавался в своем дневнике, что «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни»[16]. Так, в 1911 г. в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях было всего 143 русско-туземные школы с 8961 учащимся, т. е. менее 0,17% общей численности населения[17]. Дореволюционный историк и этнограф В. П. Наливкин в 1913 г. отметил крайне ничтожный результат деятельности этих школ[18], даже несмотря на то что среди широких слоев местного населения усилился интерес к изучению русского языка. Небезынтересно отметить, что Ленин, работая над книгой немецкого экономиста О. Гётча («Русский Туркестан», 1913), долго жившего в Туркестане, обратил особое внимание на следующую фразу: «Под влиянием экономической жизни практичному сарту (так до революции называли местных жителей.— *З. К.*) становится все яснее значение русского языка, как общего делового и государственного языка»[19].

Известно, что царское правительство чрезвычайно мало заботилось о народном образовании, и тем более об образовании населения своих окраин. Из огромного туркестанского бюджета только 1% шел на нужды просвещения. А из этой суммы только около 26% (60 434 руб.) шло на русско-туземные школы и 74% — на постройку школ, гимназий и семинарий, главным образом для русских детей, преимущественно детей офицеров, чиновников, купцов, фабрикантов, духовенства. Мактабы содержались на частные средства местного населения. Поэтому не мудрено, что общее число грамотных в Туркестане было незначительно, дехкане же были почти поголовно неграмотными. Но иногда из русско-туземных школ выходили люди, которые, по-

---

[15] «Вестник воспитания». СПб., 1900, № 1, с. 44.

[16] «Красный архив». М., 1927. Т. XIX, с. 65.

[17] Статистический ежегодник 1917—1923 гг. Т. 1. Ч. 3. Таш., 1924, с. 80—81.

[18] «Туземцы раньше и теперь» — «Туркестанский курьер». Таш., 1913, № 56.

[19] В. И. Ленин. Тетради по империализму.— Т. 28, с. 515.

лучив определенные знания и познакомившись с произведениями русских и других прогрессивных представителей революционно-демократической общественной мысли, в дальнейшем уже самостоятельно углубляли эти знания и старались приобщить к ним окружающих. Однако таких людей были единицы [20], а их прогрессивная инициатива преследовалась аппаратом власти, так же как и деятельность наиболее передовых представителей русской науки и культуры, которым был чужд великодержавный шовинизм. Известный русский поэт-петрашевец А. Н. Плещеев, который, будучи сослан рядовым в оренбургские войска, участвовал в первом походе Перовского на Ак-Мечеть, в 1854 г. в своих стихах призывал к братству народов: «Но к племенам чужим вражды я не питаю...»; он мечтал о том, «чтоб, позабыв вражду и ненависть свою... все племена слились в единую семью» [21]. Знаменитый русский художник-баталист В. В. Верещагин был участником похода на Самарканд. Как и Плещеев, он ясно видел весь ужас и жестокость войны. Герои его картин — простой народ, солдаты, выносившие на себе всю тяжесть войны.

С 70-х годов XIX в. русская прогрессивная мысль проявляла разносторонний интерес к истории народов Средней Азии. Известные русские ученые-востоковеды — друг Белинского Г. И. Петров, П. И. Пашино и др. — собирали исторические документы, народные сказания, песни, проводили археологические исследования и изучение узбекских, таджикских и прочих памятников древности. В Ташкенте, Самарканде, Фергане и других местах возникали любительские краеведческие, географические, этнографические, археологические научные кружки для ознакомления с историей и бытом местного населения. Деятельность этих ученых была проявлением прогрессивности, гуманности представителей русской революционно-демократической мысли, враждебной великодержавной политике колонизато-

[20] Известные поэты и просветители — Фуркат, Мукими, Дониш, Айни и др.— понимали значение русской и мировой культуры. В Ташкенте и Самарканде они издавали на узбекском языке светскую литературу, сказки, фольклор. Они доказывали пользу изучения русского языка и пропагандировали достижения русской культуры.

[21] А. Н. Плещеев. Стихотворения. Л., 1957, с. 115.

ров. От нее страдали не только колониальные массы, но и многие передовые люди России. Так, генерал Романовский выслал ученого Пашино из Ташкента в Оренбург «по неблагонадежности» и распорядился, чтобы в пути он «не входил ни в какие объяснения с туземцами и вообще не позволял себе никаких противослужебных разговоров» [22].

Таким образом, царские власти стремились не допустить в своих среднеазиатских владениях развития культуры и образования. Но, несмотря на такую позицию официальных кругов царской России, присоединение Средней Азии к более передовой по своему уровню державе не могло не отразиться на общем развитии среднеазиатских народов.

Потребности экономического развития стимулировали изучение природных ресурсов и рост производительных сил Туркестана. В результате деятельности видных русских ученых А. П. Федченко, Н. А. Северцова, И. В. Мушкетова и других были выявлены многие месторождения полезных ископаемых, уточнены географические карты, внесен большой вклад в исследование быта и нравов населения, что значительно расширило представления о Средней Азии в мировой науке. Посещавшие Москву, Петербург, Нижний Новгород с торговыми и иными целями представители местного населения после возвращения в родные места рассказывали соотечественникам о своих впечатлениях от крупных городов, от встреч с образованными людьми России [23]. Это способствовало некоторому ознакомлению населения с элементами передовой русской культуры.

Несомненным фактором положительного значения являлся и объективный процесс ускорения экономического прогресса Туркестана, определявшегося общим ходом хозяйственного развития Российской империи.

Основную роль, однако, играло присоединение Средней Азии к стране, в которую перемещался центр мирового революционного движения.

---

[22] А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 502.

[23] См., например: А. Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. Душ., 1960.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКИХ ВЛАСТЕЙ

Царские колонизаторы, придя в Туркестан, нашли там развитые феодальные формы землевладения. В основном это были амляковые и падшалычные земли или, как их называли, земли государственные, которые находились в наследственном владении дехкан. Пользование дехкан землей было индивидуальным, общинного владения почти не было. Дехканство платило феодалам (ханам) натуральную и денежную ренту в виде поземельного сбора с государственных земель (харадж) и танапного[1] сбора с земель под садами, огородами и др. (танабанэ). Кроме того, трудящиеся выплачивали много различных сборов — с торговли и скота (зякат), караванный, базарный, свадебный, соляной, угольный, подводный, паромный, весовой и др.

Значительное количество земель были частнособственническими, или мильк (мульк). Это были земли, пожалованные ханом, и принадлежали они или землевладельцам-аристократам, или ханским чиновникам, или купцам-ростовщикам. Земли мильк имели несколько разновидностей. Одни из них были совершенно обелены по отношению к государству. Эти земли назывались мильк-и хурри-халлис. Другие облагались очень незначительными повинностями. Именно в землях мильк давно уже нашла свое воплощение тенденция превращения земли в наследственную собственность. На них сидели и их обрабатывали дехкане, вносившие землевладельцам-феодалам и ростовщикам докапиталистическую, по преимуществу натуральную ренту.

Кроме земель мильк имелись земли вакф, или земли, завещанные и пожертвованные представителями феодальной знати и купцами для религиозных целей. Эти вакфы были основой благосостояния мусульманского духовенства. Земли вакф были неодинаковы.

[1] Танап — мера земли, около 0,4 га.

Если, скажем, жертвовалась обеленная земля, то и вакф не нес никаких повинностей по отношению к государству. Если жертвовалась земля, обложенная хараджем, то и вакф обязан был вносить в казну харадж. Земли вакф нельзя было делить и продавать. Считалось, что даже всевластная рука хана не имела права коснуться этих заповедных земель. Такое привилегированное положение духовных вакфов привело к возникновению частных вакфов (вакф-авлод), т. е. земель, завещанных религиозным организациям, но частично оставшихся в распоряжении владельца. Этой своеобразной защитой от ханского произвола часто пользовались феодалы. Так, в Зеравшанском вилояте Бухарского ханства было много земель вакф-авлод, принадлежавших крупнейшим узбекским феодалам из рода кенегес, враждовавшего с родом мангыт, к которому принадлежали бухарские эмиры. На землях вакф сидели дехкане, которые и обрабатывали их за определенную долю урожая. Мусульманское духовенство было таким же представителем феодального землевладения, как и помещики.

В ханствах было еще много так называемых мертвых земель, т. е. неорошенных, пустующих, никем не обрабатываемых. Это явление характерно для ряда стран с искусственным орошением. Такие земли ханы нередко передавали на «оживление», после чего они превращались в частную собственность «оживителя». В Туркестане, как и в других странах поливного земледелия, ответственность за устройство и поддержание в исправности ирригационной системы несло государство, тогда как вся тяжесть практического содержания этой системы лежала на плечах дехканства.

Овладев Туркестаном, царские власти учли все эти обстоятельства. Они прекрасно понимали, что земля была основой существования дехканства. «Неправильная постановка и разрешение самого существенного для населения вопроса может иметь печальные последствия, поколебав доверие к правительству в народе, недавно покоренном» [2] — так писал один из чиновников министерства внутренних дел. Почти во всех министерствах дебатировался вопрос о «поземельном устройстве

[2] ЦГА УзССР, И-1008, д. 177, 1866—1908.

туземцев». Разумеется, царское правительство заботилось не о благосостоянии народных масс Туркестана, а лишь о своем престиже и материальных интересах.

В течение первых пяти лет царские чиновники не занимались земельным вопросом. До 1871 г. аграрная политика царизма определялась исключительно финансовыми соображениями. Основная часть колониальной дани выжималась именно при помощи налогового пресса, особенно поземельного налога. Придя в Туркестан, царизм не только не уничтожил повинности, а, наоборот, начал их использовать. Так, Положение 1867 г. оставило неприкосновенными харадж и танабанэ. Было постановлено взимать харадж с «производящей» земли, облагавшейся этой рентой при ханах, причем размер натуральной ренты был определен в десятую часть урожая, которая теперь отчислялась в царскую казну в виде налога.

Но с 1871 г. аграрная политика царизма меняется. В 1871 г. по поручению царя Кауфман и его приближенные подготовили проект Положения об управлении Туркестанским краем, который долго обсуждался и был завершен во второй половине 1873 г. Комиссия Кауфмана предлагала почти все земли, принадлежавшие дехканам, признать государственными, находящимися у частных лиц и обществ не на правах собственности, а на правах владения, которое еще ограничивалось определенными условиями. Так, в § 313 проекта было сказано, что право постоянного владения может быть прекращено, если земли понадобятся: а) для открытия и устройства водных и сухопутных сообщений; б) для возведения необходимых казенных или общественных зданий; в) для устройства арыков; г) для русской колонизации. Исключением были только земли обеленные, которые закреплялись за их владельцами, частично земли вакф и земли, которые уже были отведены под города или куплены русскими офицерами, купцами и духовенством в городах. Земли же мильк и вакф, которыми пользовались дехкане, выплачивая их владельцам подати, также должны были стать государственными. Феодалы же — собственники этих земель — получали компенсацию в виде ежегодного пособия из царской казны.

Царское правительство в лице Комиссии Кауфмана

непрерывно ссылалось на Коран и шариат, якобы признающие все земли государственными. Несомненно, что в прошлом и было так, но в конце XIX в. это уже стало только «мистической фикцией», выгодной царскому самодержавию, так как позволяло считать захват дехканских земель «законным и священным». В довершение всего Комиссия Кауфмана предлагала воссоздать уже разрушившуюся и почти исчезнувшую общину. Кауфман прекрасно понимал, что воссоздание замкнутых общин задержит экономическое развитие страны, но будет выгодно политически. Для подтверждения своей идеи возрождения общины Кауфман ссылался на небольшое количество земли около Ташкента, находившейся в тот период в общинном владении. Других примеров он привести не мог. Но зато для сохранения искусственно насаждаемой общины он предлагал жесткие меры воздействия. В § 294 проекта говорилось, что если из общины в 10 человек выбудет по тем или иным причинам хотя бы один человек, то остальные 9 человек будут лишены земли, если вовремя не позаботятся пополнить свой состав или присоединиться к соседней общине.

Все указанные выше проекты разрешения аграрного вопроса относились к оседлому населению. Земли же кочевников объявлялись государственной собственностью. За предоставление им права кочевок на собственных землях с них взимали, как и прежде, кибиточную подать и налог на скот и лишь тогда выписывали «билеты» — документы, дававшие им ограниченные права на пользование этими землями. В 60-х годах кибиточный сбор взимался, причем одинаково как с бедняка, так и с манапа-князя, в размере 1 руб. 50 коп. с кибитки. В 1867 г. этот сбор был увеличен Кауфманом до 3 руб. 50 коп., а через десять лет доведен до 4 руб.

Аграрная программа царизма 1871—1873 гг. давала широкий простор для захвата дехканских земель. Но вместе с тем царизм прекрасно учитывал соотношение классовых сил в своей новой колонии. Выше уже отмечалось, что обеленные земли и земли вакф проект Положения без всяких оговорок признавал частной собственностью. Иными словами, за многими представителями феодальной знати, купцов и высшего мусуль-

манского духовенства закреплялись их помещичьи права. Их поместья продолжали существовать на базе докапиталистических отношений, когда дехкане, обрабатывавшие их, отдавали феодалу-хозяину до половины и более своего урожая.

Российское самодержавие обеспечивало местным господствующим классам получение значительной доли прибавочного продукта дехкан в виде ренты. Нередки были случаи, когда царизм, отбирая земли у дехкан, передавал их в собственность местным феодалам. Так, в Амударьинском отделе детям крупнейшего узбекского сановника, богатейшего землевладельца-ростовщика Мат-Ниаза за услуги последнего, «оказанные русскому правительству в 1873 году», было подарено 1210 десятин земли, отобранной преимущественно у дехкан[3]. Хотя нередки были случаи, когда Кауфман конфисковал и феодальные поместья, в основном принадлежавшие враждебно настроенным по отношению к царской власти местным феодалам, но через несколько лет эти поместья возвращались их детям или внукам. Так, в 1880 г. были возвращены поместья дочери бывшего кокандского сановника Джурахановой, жившей в Ташкенте. Богатейший помещик Миан-Фазиль и его одиннадцать братьев без особого труда добились от Кауфмана возвращения своих земель около Коканда, конфискованных в 1875 г. у их отца.

Цель первоначального аграрного законодательства царизма сводилась не только к захвату земель, но и к тому, чтобы обеспечить себе политическую и социальную опору в лице местных господствующих классов. Именно при их помощи царизм подчинял своим интересам всю экономику страны. Хотя проект 1873 г. и не был официально утвержден, но фактически он действовал. В виде пробы Кауфман целиком претворил его в жизнь в Ферганской области и Амударьинском отделе. В 1877 г. у ферганских дехкан было отобрано несколько тысяч десятин для постройки Нового Маргелана, причем «туземцам» было категорически запрещено селиться в этом городе. В 1870 г. у ташкент-

---

[3] [К. П. Кауфман]. Проект всеподданнейшего отчета..., СПб., 1885, с. 251—252.

ских дехкан было отнято 300 десятин земли, на которой были возведены различные ярмарочные постройки. Много земель отбирали колонизаторы для своих личных нужд. В 1871 г. для организованного в Ташкенте царскими офицерами, в том числе и Кауфманом, товарищества Константиновского конного завода у дехкан было отобрано 23 тыс. десятин земли. К тому же табуны коней этого товарищества могли пастись на любых землях в прилегающих уездах. Этот беззастенчивый грабеж вызвал резкий протест населения. Царское правительство убедилось, что зашло слишком далеко и быстро сманеврировало. По постановлению правительственного сената в распоряжении товарищества было оставлено 2 тыс. десятин земли, остальные же были возвращены дехканам.

Расхищение земель царскими чиновниками было обычным явлением. Один из старожилов Ташкента писал, что «только ленивый в то время не урвал большей или меньшей величины клочка земли, а люди практичные захватывали громадные участки»[4]. Сотни барских домов, дач, церквей возникали на землях, отнятых у дехкан.

У царизма был еще один способ лишать дехкан земли. Часто представители власти преднамеренно облагали дехкан непосильными налогами и тем самым заставляли их волей-неволей отказываться от своих земель. «Отказные» земли были очень распространенным явлением. Обычно такие земли превращались в оброчные статьи и сдавались с торгов местным землевладельцам, кишлачным ростовщикам и прочим богатеям.

Боясь аграрной революции внутри России и стремясь создать себе еще одну опору в колонии, царизм отдавал земли переселенцам-крестьянам, в основном богатым казакам и унтер-офицерам. На этих землях нередко возникали крупные кулацкие хозяйства, которые эксплуатировали местных и русских бедняков.

Бурное развитие капитализма в России нашло свое отражение в дальнейшем аграрном законодательстве. В 1882 г. в Туркестан была послана комиссия во главе с Ф. К. Гирсом, на которую возлагалась задача

---

[4] А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 113.

«выяснить и окончательно определить права землевладения в Туркестанском крае». Материалы этой ревизии бурно обсуждались в Петербурге царскими сановниками. Гирс и его сторонники, представляя интересы российской промышленной буржуазии, решительно взяли курс на превращение дехкан в производителей хлопка, а их земель в частную собственность. В заселении Туркестана русскими переселенцами, не знакомыми с культурой хлопка, российская буржуазия (в особенности текстильные фабриканты) видела реальную угрозу своим интересам. В материалах другой Комиссии — Игнатьева отмечалось, что русские, в частности казачьи, поселки в Туркестане неприемлемы: «Для образования казачьих поселений требуется отвод обширных площадей культурной земли, ибо казаки пользуются большими наделами. Давать большие наделы на хорошо орошенных землях представляется делом почти невозможным. Казаки не будут в состоянии следовать интенсивному хозяйству, единственно выгодному в Средней Азии»[5]. После длительных дебатов Гирс и его сторонники, к которым принадлежали также представители министерства финансов, внутренних дел и государственного контроля, победили. Русские помещики, стремившиеся превратить туркестанские земли в колонизационный фонд, были побеждены. В 1886 г. было принято новое Положение об управлении Туркестанским краем, которое действовало вплоть до Октябрьской революции.

После принятия нового Положения за местным населением были закреплены земли на правах частной собственности. Фактически земля стала объектом купли-продажи. Но эта, юридически оформленная царизмом частная собственность на землю ни в какой мере не превращалась в буржуазную собственность и не соответствовала нуждам капиталистического земледелия. Аграрная политика царизма не освободила дехканские массы от феодальных пут. Царизм продолжал покровительствовать местным землевладельцам, сохраняя докапиталистическую базу их обогащения.

В секретной объяснительной записке Комиссии Игнатьева было сказано: «В Туркестанском крае есть не-

[5] ЦГА УзССР, И-1008, д. 177, 1866—1908.

значительное число владельцев земель мильк хурахалис, т. е. обеленных, свободных от поземельных податей. Считая неосторожным упоминать о них в положении, комиссия предлагает однако же, в видах справедливости, предоставить генерал-губернатору право входить с представлением о даровании таковым землям податных льгот» [6].

То же было проделано и в отношении земель значительной части мусульманского духовенства. «Уничтожение вакуфных привилегий, — гласила та же секретная записка, — не представляется возможным... потому что столь казенная реформа, затрагивая интересы мусульманского духовенства, наиболее влиятельного и фанатичного класса населения, может отразиться неблагоприятными для спокойствия края последствиями... По вышеизложенным соображениям ревизия в представленном ею проекте нашла необходимым вакуфные земли незаселенные (т. е. поместья.— *З. К.*) укрепить на правах полной собственности за вакуфовладельцами, заселенные же — за лицами, их населяющими (т. е. дехканами.— *З. К.*), обложив последних сбором в пользу вакуфных учреждений». Таким образом, земельная политика царизма превратила старое феодальное землевладение (в виде мильк-и хурриххаллис и вакфов) в частную помещичью собственность. Дехкане же по-прежнему зависели от землевладельцев. Поэтому лицемерно звучат часто повторявшиеся слова, что «русское правительство... не признав привилегированного сословия, раз навсегда привлекло на свою сторону массу трудящегося населения» [7].

После 1886 г. земельная политика царизма способствовала проникновению представителей торгово-ростовщического капитала в кишлаки. Так, торговцы и ростовщики еще чаще стали забирать у дехкан землю за долги. Переходу дехканской земли в их руки также в значительной степени облегчало разрешение официальной купли-продажи. Скупая земли за бесценок, ростовщики становились крупнейшими землевладельцами.

В любой аграрной стране именно поземельный на-

[6] Там же.

[7] См., например: А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908, с. 66.

лог имеет большой удельный вес в системе государственных доходов. Так было и в Туркестане. Начиная с 80-х годов, когда рента-налог (харадж и танабанэ) была заменена поземельным налогом капиталистического типа, взимавшегося в размере десятой части доходов с земли, его повышение пошло гигантскими шагами. Налог к 1890 г. по сравнению с 1869 г. увеличился почти в 5 раз, а к 1910 г.— в 10 с лишним раз[8].

Поземельный, кибиточный и другие налоги и сборы были значительными статьями царских доходов. Бо́льшая часть их шла на содержание военно-полицейского аппарата. Жалованье губернаторов достигало нескольких десятков тысяч в год. Содержание их домов, дач и садов также стоило больших денег. Расходы же на культурные нужды были крайне ничтожны, например расходы на просвещение в те же годы колебались от 0,76 до 2,33%.

Часто царские чиновники, пользуясь абсолютной властью, выжимали из народа значительно больше доходов, чем полагалось даже по смете министерства финансов. При наличии произвола сбор налогов был одной из доходнейших статей и для сборщиков налогов — русских чиновников, а также представителей местной власти. Значительные суммы недоимок, числившиеся за населением, нередко были результатом многократного сбора одного и того же налога, а также результатом присвоения и растраты крупных денежных сумм царскими сборщиками[9].

Как уже отмечалось, кроме поземельного налога и кибиточного сбора существовало множество всевозможных явных и тайных поборов. Из всех перечисленных выше бывших ханских сборов были отменены лишь соляной, угольный и свадебный, а остальные продолжали существовать в другой форме. Они были превращены в казенные оброчные статьи и нередко сдавались с торгов местным эксплуататорам. Не отставали от них и царские чиновники и офицеры, бравшие в аренду сбор разных налогов через подставных лиц.

Земские повинности заключались в содержании мест-

---

[8] Статистический ежегодник 1917—1923 гг. Т. 2. Ч. 3. Таш., 1924, с. 381.

[9] [Ф. К. Гирс]. Отчет о состоянии Туркестанского края..., СПб., 1888, с. 82.

ной «туземной» администрации — в оплате мирабов, сторожей, в исправлении дорог, устройстве и поддержании тюрем, зданий общественного характера, содержании учреждений по земельному устройству и т. п. [10].

В 1886 г. впервые после присоединения Туркестана в земельном законодательстве царизма нашел отражение водный вопрос. Но российское государство, став монопольным собственником всех вод края, не хотело взять на себя организацию искусственного орошения, хотя и признавало его первостепенную важность. В материалах Комиссии Игнатьева было сказано: «Едва ли можно рассчитывать, чтобы правительство решилось дать достаточные средства для расширения орошения в названном крае... В этих видах... государственные земли, подлежащие орошению, отводить частным лицам и обществам... в срочное и бессрочное пользование, для оживления новыми самостоятельными арыками с освобождением их от платежа государственных податей в течение от 3 до 10 лет сообразно значительности сооружений» [11]. Это решение сохраняло широкий простор для эксплуатации народа, который по-прежнему нес на своих плечах всю тяжесть ирригационной повинности, но никогда не имел на своих полях достаточно воды. Вода в первую очередь шла на поля помещиков, баев, мулл, для поливки садов на дачах царских генералов и чиновников и др. Канцелярии губернаторов были завалены жалобами дехкан на незаконное лишение их воды. Но эти жалобы почти всегда оставались без разбора, обычно их клали под сукно, потом подшивали в папки соответствующих дел и сдавали в архив.

За время господства в Туркестане российское самодержавие путем прямого насилия отняло у дехканских масс десятки миллионов десятин земли. Из общего количества земли в 63,9 млн. десятин в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях Туркестана российскому государству принадлежало 58,6 млн. десятин, а на долю почти 5 млн. человек местного населения было оставлено на правах частной собственности немногим более 5 млн. десятин, причем львиная доля этой земли принадлежала местным крупным землевла-

[10] Там же, с. 92.
[11] ЦГА УзССР, И-1008, д. 177, 1866—1908.

дельцам (в 1907—1908 гг.) [12]. В этих цифрах отражалась вся антинародная аграрная политика царизма.

Налоговый пресс был одним из важнейших рычагов массовой эксплуатации трудового народа. При помощи налогов царская Россия выкачивала из Туркестана огромные прибыли. Созданная царскими чиновниками легенда, что «Туркестан поедал кровные русские миллионы», ни на чем не основана. Она распространялась со специальной целью оправдать все увеличивавшийся грабеж местного населения.

Сильно обирали трудовой народ и на «городские надобности». В этих сборах национальная политика царизма также нашла свое яркое выражение. Почти около каждого старого узбекского города начали вырастать новые жилые районы царских чиновников. Землю для них попросту отбирали у местного населения. Так возникли новые части Ташкента, Самарканда, Маргелана и других городов. Содержание их падало всей тяжестью на дехкан и городскую бедноту. В 1879 г. на каждый двор национальной части Ташкента приходилась 31 коп. расходов на городские нужды царских колонизаторов. Царский ревизор Гирс в своем отчете пишет: «Старый Маргелан, отстоящий от Нового Маргелана (ныне г. Фергана. — *З. К.*) на 12 верст и не имеющий ничего с ним общего, дает Новому Маргелану до 9 тысяч рублей. Старый Самарканд покрывает весь дефицит нового Самарканда, доходы которого не превышали 4000 рублей. Этот способ покрытия городских дефицитов возбуждает немалое неудовольствие среди туземцев и, конечно, не может способствовать сближению двух народностей» [13].

Однако не следует думать, что все эти деньги действительно шли на благоустройство так называемых русских городов. Если «отцы города» жили в уютных, благоустроенных особняках с садами и фонтанами, то русские рабочие и городская беднота ходили по темным грязным улицам, пили воду из гнилых арыков, ютились в ветхих конурах на окраинах, граничащих с национальными частями этих городов. И нередки бы-

[12] См.: [К. К. Пален]. Отчет по ревизии Туркестанского края. Ч. I, отд. I. СПб., 1910, с. 46, 93.

[13] [Ф. К. Гирс]. Отчет о состоянии Туркестанского края..., с. 112.

ли случаи, когда узбекские и русские бедняки дружно ругали хозяев города — членов городской думы и управы.

В утвержденное царем для всех городов империи Городовое положение 1870 г. Государственным советом были внесены следующие дополнения для Туркестана: «2) Одна треть гласных городской думы избирается отдельно азиатской частью города... из среды его населения, а остальные две трети гласных избирает русская часть города исключительно из состава своих обывателей... 7) Городской голова... назначается от правительства и определяется в должности военным министром, по представлению туркестанского генерал-губернатора» [14]. А если принять во внимание, что в 1877 г., например, в Ташкенте (когда там было введено это Положение) в национальной части города жило около 140 тыс. человек, а в русской части только 3921 человек, то ясно, что это Городское положение лишь закрепляло бесправие местного населения. В 1877—1881 г. в Ташкентской городской думе насчитывался 71 гласный, из них было: 14 офицеров, 40 купцов и 17 человек различных профессий (врач, инженер, священник, архитектор, нотариус и др.). Из общего числа 76 гласных ташкентского городского самоуправления представителей местного населения было лишь 20. К тому же эти 20 человек были богатыми купцами и землевладельцами вроде Азимбаева, Максут-ходжи Ходжаева.

Городское хозяйство Туркестана было лишь каналом дополнительной эксплуатации трудового населения, как русского, так и местного. Так же как и в русских частях городов, расхищались общественные деньги и в национальных их частях. В так называемых старых городах не было фонарей, тротуаров, мостовых, аптек, больниц. О медицинской помощи населению, например в Ташкенте, серьезно говорить нельзя: «Что мог сделать один врач... на 100 тысяч населения без больницы и приемного покоя, при средствах на первое пятилетие в 200 рублей в год на приобретение медикаментов и инструментов?» [15].

[14] К 35-летию городского общественного управления Ташкента. Таш., 1900, с. 4—5.

[15] Там же, с. 69.

* * *

Представители российского военно-феодального империализма, напуганные революцией 1905 г., хотели отделаться от беспокойного крестьянского «избыточного» населения в России, для чего необходимо было еще увеличить колонизационный фонд. Но здесь снова столкнулись интересы помещиков и буржуазии. В 1910 г. в Государственной думе, этой выразительнице интересов союза помещиков и империалистической буржуазии, опять разгорелись жаркие дебаты на старую тему. Помещики и буржуазия, не связанные с текстильной промышленностью, требовали увеличить колонизационный фонд за счет орошенных земель Ферганы и Зеравшанской долины. Вдохновителем колонизационной политики выступал лидер октябристов Гучков. Но российские империалисты, связанные с текстильной промышленностью и наживавшиеся на труде дехкан-хлопкоробов, категорически протестовали против колонизации оседлых районов, причем особенно старался их главарь — кадет Милюков. И им удалось настоять на своем. Царское правительство не поддержало требования новой колонизации.

Место Туркестана было четко определено в хозяйственно-политической системе царской России. Он был не только рынком сбыта и местом для выгодного вложения капиталов, но и источником ценнейшего сырья, особенно хлопка. Вся колониальная политика царизма способствовала превращению дехканина в хлопкороба.

Необходимость своевременно платить налоги государству и вносить ренту помещику создавала в дехканских хозяйствах острую нужду в деньгах. А откуда дехканин мог достать деньги? У него было два пути. Один путь — пойти к ростовщику и взять у него займы на кабальных условиях. Второй путь — пойти на рынок и продать свою продукцию. Но не всякая продукция могла обеспечить его существование. Рынки Туркестана уже регулировались законами российского рынка, в свою очередь тесно связанного с мировым рынком. Российский же рынок требовал от Туркестана определенную продукцию — хлопок. И если дехканин хотел иметь нужное ему количество денег для безотлагательных расходов, он вынужден был переходить к

выращиванию хлопчатника. С 1880 г. посевы хлопчатника в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях быстро увеличиваются. В 1890 г. было засеяно хлопчатником 91,9 тыс. десятин, в 1900 г. уже 224,2 тыс., в 1910 г.— 300,4 тыс., а в 1915 г.— 466,1 тыс. десятин [16]. Местные дехкане превращались в поставщиков хлопка для российской промышленности и в покупателей ее товаров. Российский капитализм, развиваясь не только «вглубь», но и «вширь», пользовался новыми, выгодными для себя позициями в Средней Азии.

Туркестан был аграрной страной, в которой большинство народа было дехканами. Но этот класс не был однородным. Процесс концентрации земли шел быстрыми темпами. Так, накануне Великого Октября в Ферганской области 50,1% дехкан владели только 9,8% земли, в Самаркандской области 50,1% дехкан владели 10,2% земли, иными словами, были почти обезземелены [17]. Из среды дехканства выделялись кулаки-баи, имевшие большое количество земли, для обработки которой пользовались в основном трудом чайрикеров (арендаторов-издольщиков). В сельском хозяйстве Туркестана наемных рабочих (мардикеров) было незначительное число — в трех областях Туркестана они составляли лишь 2,5% населения. Основным поставщиком этих рабочих была «армия бесскотных, безземельных и безынвентарных хозяйств» [18]. Но даже и такое незначительное число мардикеров не всегда могло найти себе применение.

Так, несмотря на высокую товарность хозяйств, при помощи хлопка наиболее втянутых в хозяйственную систему капиталистической метрополии, в одном только Андижанском уезде из 9008 хлопковых хозяйств было 7979 хозяйств, владевших по одной трети десятины земли, т. е. они были чайрикерскими (90,5%). В более же отсталых, зерновых районах было еще больше чайрикерских хозяйств. Малоземельный или безземельный

---

[16] Справочная книга по хлопководству СССР. М., 1925, с. 123—124.

[17] Данные переписи 1917 г.— «Труды ЦСУ». Т. 2. Вып. 7. М., 1923.

[18] Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 года. М., 1924, с. XV.

бедняк-дехканин, став чайрикером и беря в обработку чужую землю, отдавал ее владельцу от пятой части до половины и более своего урожая в зависимости от того, имел ли он инвентарь и рабочий скот.

Дехкане-середняки, существуя на собственной земле, но теряя свою хозяйственную самостоятельность, постепенно превращались в чайрикеров. И только очень незначительная часть середняков, разбогатев, переходила в разряд кулаков-баев.

Как бедняки, так и середняки не имели других источников существования, кроме земли. Техническая база их хозяйств была чрезвычайно низкая. Омач и кетмень были их основными орудиями производства. Почти такая же картина наблюдалась и в крупных хозяйствах. Помещики и кулаки, используя дешевые рабочие руки, не были заинтересованы в развитии капиталистических методов сельскохозяйственного производства. Таким образом, полуфеодальное землевладение, существовавшее на базе издольщины, тормозило развитие уже появившихся элементов капиталистического хозяйства: расслоение дехканства, рост числа наемных сельскохозяйственных рабочих.

Разрушение феодальной замкнутости и появление элементов новых капиталистических отношений означало шаг вперед, но этот шаг оплачивался дорогой ценой. Незадолго до революции Ленин так характеризовал положение трудящихся, в частности народных масс окраин, в эпоху с 1871 по 1914 г.: «Эта эпоха была не „миром", а гнетом, мучением, ужасом, который был, пожалуй, тем ужаснее, что казался „ужасом без конца"»[19].

Царская Россия стремилась к порабощению узбекского и других народов Туркестана и к сохранению докапиталистических форм их хозяйства. Туркестан не мог стать капиталистической страной с развитой промышленностью, с капиталистически развивающимся сельским хозяйством, а оставался всего лишь аграрно-сырьевым придатком Российской империи, капиталисты которой не допускали его «деколонизации», так как это не совпадало с их интересами.

---

[19] В. И. Ленин. Предисловие к брошюре Н. Бухарина.— Т. 27, с. 94.

Мероприятия царизма в Туркестане обеспечивали ему укрепление колониального могущества, а также сохранение и усиление абсолютизма, его реакционных методов угнетения и эксплуатации русских рабочих и крестьян. Русский трудовой народ никогда никого не притеснял и не угнетал. Он изнемогал от тех же зол и насилий, от которых изнемогали все другие народы царской России. Он вместе со всеми страдал «от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе» [20]. Русскому народу не нужны были колонии. Виновниками национального гнета в России были эксплуататорские классы и царизм со всем своим государственным аппаратом.

В работе «Будущие результаты британского владычества в Индии» К. Маркс указывал два пути освобождения угнетенных народов от колониального ига: «Население Индии не сможет познать плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго» [21]. Эти слова можно в полной мере отнести и к народам бывшего Туркестанского края.

---

[20] В. И. Ленин. Китайская война. Т. 4, с. 383.
[21] Т. 9, с. 228—229.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Став хозяином Туркестана, царизм и буржуазные круги империи начали искать наиболее выгодные формы его эксплуатации. Как политические, так и экономические возможности были огромны и заманчивы. Выше не раз отмечалось, что российские купцы давно были связаны торговыми интересами с Бухарой, Хивой, Кокандом. Но естественно, что феодальные властители этих ханств не давали им возможности хозяйничать у себя. По законам мусульманских стран купцы-христиане должны были платить торговые пошлины (зякат), равные 10% стоимости их товаров, в то время как купцы-мусульмане платили только 2,5%. Правда, русские купцы удачно обходили эти преграды. Они часто посылали вместо себя своих приказчиков, по преимуществу татар-мусульман. Кроме зяката российским купцам приходилось платить еще всякие мелкие сборы. К тому же их не пускали в некоторые города, а на среднеазиатских рынках им часто приходилось конкурировать с английскими купцами.

С начала XIX в. российские купцы стремятся превратиться в монопольных хозяев среднеазиатских рынков. И вот 60-е годы приносят им осуществление их мечты. «Как только русские войска стали твердой ногой на самом бойком месте караванного движения, т. е. в Ташкенте, мы уже могли предписывать условия соседним ханствам, — писал один из царских генералов. — Одною из первых мер первого туркестанского генерал-губернатора был именно договор с Бухарою и Коканом относительно предоставления нашим купцам таких же прав в ханствах, какими пользовались азиатские купцы в России»[1]. После захвата Ташкента рос-

[1] М. А. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876, с. 48.

сийский капитал почувствовал себя хозяином положения. Русские торговцы захватили все рынки.

Присущий колониальной эксплуатации пассивный торговый баланс для метрополии существовал и во взаимоотношениях Туркестана и России. Особенно резко он был выражен в первый период эксплуатации Туркестана, примерно до начала 70-х годов. Вывоз в Россию не покрывался ввозом. Так, в 1868—1869 гг. вывоз в Россию составлял более 4 млн. руб., в то время как ввоз достигал лишь 2 млн. [2].

Русские капиталисты вскоре добились от царского правительства запрещения иностранным купцам торговать транзитом через Россию со Средней Азией. Военному губернатору Сырдарьинской области было предложено задерживать все иностранные караваны. По Положению 1867 г. все узбекские, таджикские и прочие среднеазиатские купцы должны были платить зякат, как и прежде, 2,5% стоимости товара. От этой пошлины освобождались только хлопок и шелк-сырец, которые «в интересах нашей фабричной производительности должны быть привозимы в Россию бесплатно, в особенности хлопок» [3].

Зякат был доходной статьей для царской России. Так, с 1868 по 1873 г. этой пошлины было собрано более 1 млн. руб. В апреле 1868 г. было запрещено ввозить в Среднюю Азию английские товары, за исключением индиго и кисеи для чалм, причем эти два вида товаров были обложены 50-процентной пошлиной [4]. В 1883 г. был запрещен ввоз товаров из Афганистана. Перед Англией закрылись все двери.

Русские капиталисты с помощью царского правительства стали монопольными посредниками между Туркестаном и мировым рынком. Что же вывозили оттуда русские капиталисты? На этот вопрос мы можем ответить словами одного дореволюционного исследователя: «Из всех товаров самые необходимые для нас суть хлопчатая бумага (хлопок-сырец. — *З. К.*) и изделия из нее, шали... мерлушки... индиго... Хлопчатая

---

[2] Там же, с. 58—59, 61.

[3] Объяснительная записка к Положению 1867 г. [б. м., б. г.], с. 202.

[4] М. А. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки, с. 264.

бумага... служит для оживления наших мануфактур и часто передается обратно в обработанном виде за более дорогую цену. Из хлопчатобумажных изделий в Россию вывозились: белая бязь, или мата, крашеная бязь, или зендель, выбойка, или пит, алача, одеяла, тюбетейки, халаты и прочее. Ткани эти шли для изготовления белья и одежды от устьев Волги до Казани и по всей сибирской линии до верховьев Енисея»[5]. Покупая мату по 1—2 коп. за аршин, в России ее перепродавали по 5—6 коп. Но по сравнению с русскими ситцами даже низкого качества она была вдвое дешевле, что быстро сделало ее товаром широкого потребления. Больше же всего вывозилось на русские рынки выбойки и пряжи.

Главными производителями хлопчатобумажных изделий, пряжи, шелковых тканей были дехкане и ремесленники. В Туркестане не было «фабрик в том смысле, как мы их понимаем. Каждый житель, занимающийся разведением хлопчатой бумаги, заставляет свою челядь делать из нее пряжу; каждый житель, имеющий лишнюю копейку, скупает ее на базарах; и тот, и другой раздают ее по рукам для выткания из нее грубой материи, вроде холста, и известной под общим названием бязи. Бязь эта домашним образом частью красится в синюю краску и принимает название... зендель, частью набивается в рыжеватый цвет... и принимает название выбойки... Из крашеной дома же пряжи ткутся в семействах полосатые материи, качеством похожие на наши серпянки и называющиеся сусой и алачею... Крашением пряжи [занимаются] почти все женщины, изготовляющие изделия про свой обиход и частью на продажу, из необходимости поддержать незавидное существование своих семейств»[6]. Иными словами, домашняя ткацкая промышленность, тесно связанная с земледелием, была основой производства хлопчатобумажных изделий, вывозившихся в Россию. Шелковые же ткани выделывались главным образом городскими

---

[5] П. И. Небольсин. Очерки торговли России со Средней Азией.— ЗИРГО, кн. 10. СПб., 1855, с. 25; см. также: А. Ф. Губаревич-Радобыльский. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами в Азии. Материалы для изучения хлопководства. СПб., 1912, с. 8.

[6] П. И. Небольсин. Очерки торговли России..., с. 26.

ремесленниками. Таким образом, на первых порах русский капитал сохранил, но исключительно в своих интересах, ремесла и домашнюю промышленность. Он сохранил до поры до времени и натуральное хозяйство, соединявшее мелкое земледелие с домашней промышленностью, как базу для развития своей торговли. Маркс писал: «В противоположность английской, русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства»[7], т. е. единство сельского хозяйства и домашней промышленности. Но такое положение длилось недолго. «Эта основа также начинает изменяться с тех пор, как Россия стала предпринимать крайне судорожные усилия, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренний и на соседний азиатский рынки»[8].

С 70-х годов картина меняется. Развившемуся российскому капитализму стали необходимы не только источники сырья для фабричной промышленности, но и рынки сбыта для товаров. Туркестан с его богатейшими природными ресурсами и многомиллионным населением всецело отвечал этим требованиям. И вот он начал наводняться российскими фабричными товарами, особенно текстильными изделиями.

«Ситцевые» купцы и фабриканты метрополии захватили колонию в свои руки. Стал развиваться не только вывоз, но и ввоз. Так, в 1872 г. в один только Ташкент было ввезено товаров на 11 млн. руб., а вывезено на 5,5 млн. При этом одних только тканей было ввезено почти на 5 млн. руб. С 1872 г. вывоз хлопчатобумажных тканей из Туркестана все уменьшался и наконец совсем прекратился. Русская буржуазия считала, что «поощрение хлопчатобумажной промышленности в Туркестане создает для коренной (т. е. текстильной. — *З. К.*) русской промышленности... конкурирующий район»[9].

Ввозом из России текстильных изделий неизбежно уничтожалась одна из основ местного хозяйства — домашняя промышленность. Российская фабрично-завод-

---

[7] К. Маркс. Капитал. Т. 25. Ч. I, с. 367.

[8] Там же, прим. 51 Ф. Энгельса.

[9] Р. Г. Аренберг. Из истории рабочего движения в Туркестане в 1910—1914 гг.— УЗТПИ. Вып. 6. Таш., 1957.

ская промышленность систематически наступала на местную домашнюю промышленность и ремесла. Уменьшение и наконец прекращение вывоза хлопчатобумажных изделий из Туркестана свидетельствовало не о развитии там капиталистических отношений, а лишь об успешной конкуренции российских товаров.

Ввоз русских тканей непрерывно возрастал. Если в 1891 г. он выразился в цифре около 700 тыс. пудов, то уже в 1903 г. эта цифра увеличилась до миллиона с лишним, а в 1912 г. она уже достигла 2 млн. пудов. Таким путем Туркестан стал огромным рынком для российской промышленности, в частности ее текстильной отрасли. Один из текстильных воротил Владимирской губернии отмечал, что «для его местности рынок русский имеет несравненно менее значения, чем бухаро-ташкентский, и что сбыт товаров туда возрастает не по дням, а по часам» [10].

Для регулярных перевозок сырья и товаров между колонией и метрополией необходимо было развитие путей сообщения, особенно дорожного транспорта, так как «существеннейшей, самой ценной и наиболее важной для России части туркестанских грузов — хлопку нужен выход в Москву» [11]. Представители российской буржуазии, собираясь на заседаниях в Обществе содействия русской промышленности и торговле, не стесняясь говорили: «Тот сундук, из которого мы будем черпать наше богатство, хранится не на Западе, а на Востоке; он зарыт в наших сибирских и среднеазиатских владениях» [12].

Но кроме экономического значения проведение железных дорог в Туркестане имело не менее важное политическое значение. Царские генералы твердили, что «русским следует занять грозное положение в Средней Азии... Лучшим средством для достижения этой цели послужит среднеазиатская железная дорога» [13]. Постройка железнодорожных путей в Туркестане сопровождалась страшной эксплуатацией рабочих, причем мно-

---

[10] Цит. по: Н. А. Халфин. Россия и ханства Средней Азии, с. 39.

[11] По вопросу о продолжении среднеазиатской ж. д. от Ташкента на Чимкент и Верный. СПб., 1899, с. 7.

[12] «Санкт-Петербургские ведомости», 18.I.1870.

[13] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, 1907, д. 117.

гие из них убегали или умирали от непосильных тягот. Администрация же все беды сваливала на жару, бури, песчаные ураганы и прочие стихийные бедствия, якобы изнурявшие и губившие людей, и просила «из России свежего народа» [14].

Строительство железных дорог в Туркестане, как и любое прогрессивное, способствующее дальнейшему развитию производительных сил, мероприятие в руках капиталистов превратилось в орудие эксплуатации трудового народа. Стоимость железнодорожного строительства с лихвой была покрыта последующим выкачиванием колониальной дани. Ленин говорил, что капиталисты превращали железнодорожное строительство «в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в „цивилизованных" странах» [15].

С 1872 по 1915 г. в Средней Азии было построено примерно 5 тыс. км железнодорожных путей. При этом железные дороги прокладывались лишь в наиболее экономически и стратегически выгодных для царизма направлениях и областях, например в Фергане — житнице хлопка, по внешним границам, в то время как в отдаленных местах по-прежнему народ часто страдал от голода из-за отсутствия транспорта и невозможности подвезти хлеб и другие продукты питания в достаточном количестве.

Развитие железнодорожных путей обеспечивало российским товарам проникновение в отдаленные пункты. Российские фабриканты и купцы получали колоссальные прибыли. Их агенты вели торговые операции от имени крупнейших промышленных предприятий — от Большой Ярославской мануфактуры, от фабрик Цинделя, Морозовых, Бардыгиных и др.

Значительный удельный вес в товаропроводящей сети Туркестана имели также и местные купцы. Получая в кредит от русских фабрикантов большое количество

---

[14] Н. А. Полторанов. Заметки о Закаспийской железной дороге в 1880—1889 гг. Таш., 1892, с. 22; см. также: З. К. Ахмеджанова. К истории строительства железных дорог в Средней Азии (1880—1917 гг.). Таш., 1965.

[15] В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 305.

мануфактуры, они продавали ее втридорога в городах и кишлаках. Одной из наиболее ярких фигур подобного рода был известный андижанский миллионер Мир Камиль Муминбаев. Его магазины были разбросаны по всей Фергане, открылись они и в Ташкенте и в других местах. Беря в кредит от владимирских и шуйских фабрикантов тысячи метров мануфактуры, он принудительно «распродавал» ее своим должникам-дехканам, т.е. фактически грабил их. Такими же грабителями были и другие миллионеры — братья Ходжаевы, Темирбеков, Салимджанов.

Местные кит китычи (в народе называли их судхурбаями, т. е. кровопийцами) были рьяными помощниками русского капитала и в распространении товаров, и в разрушении домашней промышленности и ремесла. Российские товары были привлекательны для них еще и тем, что «мануфактура заменяла монету и кредит в крае»[16]. Получив эти товары, они немедленно сбывали их и извлекали из этих операций огромные прибыли. Тем самым они помогали российскому капиталу сохранять за собой рынок сбыта. Встав между рынком и миллионами мелких дехканских хозяйств, местный капитал стал орудием разорения трудового народа. Выбрасывая на рынок большое количество товаров, полученных из России, он тем самым неизбежно вытеснял с рынка продукцию местной домашней промышленности и ремесла.

В областных обзорах и отчетах приводятся данные о непрерывном сокращении кустарного производства. Так, в Ферганской области в 1892 г. стоимость произведенных товаров равнялась 2 млн. руб., а в 1896 г. она упала до 1,5 млн. Особенно быстро разрушалось производство текстильных изделий: хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных. Царские колонизаторы откровенно заявляли, что «туземная шелковая промышленность... должна быть предоставлена... своей естественной смерти»[17]. Выражаясь фигурально, местные ремесленники-шелкопряды должны были захлебнуться в бурном товарном потоке, хлынувшем из центра Рос-

[16] А. Ф. Губаревич-Радобыльский. Значение Туркестана в торговле России..., с. 25.

[17] Н. Ф. Петровский. Шелководство и шелкомотание в Средней Азии. СПб., 1874, с. 87.

сии. Сведения о численности ремесленников-ткачей дают следующую картину: в 1897 г. их насчитывалось 24 671 человек, а к 1908 г. осталось лишь 8533 [18]. Пострадали в основном текстильные промыслы, тогда как металлообрабатывающие (выделка холодного оружия, кумганов, украшений), гончарные и некоторые другие сохранились, потому что их продукция не встретила конкуренции ввозимых товаров. Но это положение ни в коей мере не умаляло разрушающего действия российского экспорта. Российский капитал, превращая колонию в свой рынок сбыта, подчинял своим интересам ее экономическое развитие.

Но разрушение и уничтожение традиционной домашней и кустарной промышленности не компенсировалось развитием крупного машинного производства. Разоряясь, кустари и ремесленники искали применения своей рабочей силе. Они почти не имели возможности превратиться в рабочих, многие вынуждены были нищенствовать. Хотя уничтожение царской Россией местной домашней промышленности объективно было фактом прогрессивным, разбивавшим феодальную замкнутость и ограниченность, но в Туркестане оно не приводило к развитию капитализма, а только еще усиливало эксплуатацию трудового народа его хозяином — метрополией.

Царизм, проникнув в Туркестан и захватив в свои руки все политические и экономические командные высоты, быстро превратил страну в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Колониальная промышленность существовала лишь как подсобная отрасль ее хозяйства, поскольку ограничивалась первичной обработкой сырья, главным образом хлопка. В Фергане из 360 промышленных предприятий было 158 хлопкоочистительных и 17 маслобойных, т. е. эти отрасли были главенствующими. Хлопкообрабатывающей промышленности в колонии не было, так как метрополия не хотела конкуренции для ивановских, московских, владимирских, шуйских и прочих текстильных магнатов.

Естественным следствием такого колониального развития промышленности была слабость и малочислен-

---

[18] Подсчитано по материалам обзоров Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областей за 1897—1907 гг.

ность промышленного пролетариата. В трех наиболее развитых областях — Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской рабочих насчитывалось всего 18 914, причем из них 12 482 приходилось на Ферганскую область и составляло примерно 0,5% общего числа ее жителей [19]. Но и это незначительное число рабочих свидетельствовало о важном факте — зарождении рабочего класса. Бóльшую часть промышленного пролетариата Туркестана составляли узбеки (60,7%), которых угнетали и эксплуатировали не только как рабочих, но и как представителей порабощенного народа. По описанию исследователей, фабрика была настоящей тюрьмой — грязной, неблагоустроенной, душной. Потогонная система, продолжительный — до 16—18 часов — рабочий день, нищенская заработная плата, штрафы, безжалостная эксплуатация женского и детского труда — вот что определяло существование местных рабочих. Почти в таком же положении были и 4774 русских рабочих, живших в Туркестане. Хотя в целях разжигания национальной розни русские рабочие получали несколько более высокую заработную плату, чем узбекские и другие, но и она не обеспечивала их существования. В секретных донесениях царских чиновников мы читаем: «Вместо платежа рабочему-сарту 1 руб. 20 коп. в день — платят только 80 коп., тогда как по этим же работам русским платят 1 руб. 50 коп., а между тем расценка этих работ 2 руб. 50 коп.» [20]. Основным стремлением фабрикантов и заводчиков было сни-

[19] В. В. Заорская, К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915, с. 18. Однако эти добросовестные и квалифицированные статистики по каким-то причинам не смогли учесть все отрасли промышленности бывшего Туркестана, в силу чего, по мнению некоторых советских исследователей [см.: А. Асаткин. Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики. Таш., 1921, с. 214—215; А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). Таш., 1959, с. 180; К. З. Фитерман. Некоторые вопросы истории промышленного пролетариата в колониальном Туркестане.— «Труды САГУ». Вып. 139. Таш., 1958, с. 90; Р. А. Нуруллин. К вопросу о численности промышленных предприятий и рабочего класса в дореволюционном Туркестане.— «Общественные науки в Узбекистане». Таш., 1965, № 8, с. 59], цифры оказались немного заниженными. Но в настоящей работе автора интересуют не столько статистические данные сами по себе, сколько тенденции развития, в них заложенные.

[20] ЦГА УзССР, ф. И-1, 1907, д. 34.

жение до минимума издержек производства и получение сверхприбылей — 100, 200, 300% в год. Царизм жил за счет угнетенных им народных масс, в том числе и русских.

Местный пролетариат вербовался в основном из среды разоряющихся ремесленников. Но они не могли совсем порвать связи с землей. Неполноценное, однобокое развитие колониальной промышленности не могло полностью обеспечить использование их рабочей силы. Выше уже отмечалось, что промышленные предприятия в Туркестане производили главным образом первичную обработку сельскохозяйственного сырья, а это производство было сезонным. Факт этот отмечался всеми серьезными дореволюционными исследователями Туркестана: «Множество туркестанских предприятий работает только часть года, а остальное время большинство рабочих занимается или сельским хозяйством, или каким-нибудь промыслом» [21].

Что касается небольшого числа русских рабочих, которые были в Туркестане, то они пополнялись или из разоренных крестьян, уходивших из Центральной России и искавших себе места под солнцем, или же из политических ссыльных, высланных из метрополии за революционную деятельность. К этой последней категории принадлежало немало железнодорожных рабочих.

Российский капитализм для обеспечения эксплуатации местной экономики создал в Туркестане густую сеть банков. Щупальца банковского капитала проникали во все области хозяйственной жизни страны. Именно при помощи банков почти 60% российских капиталовложений в Туркестане были пущены в сферу обращения в виде кредитов. Главную роль там играл Русско-Азиатский банк, бывший филиалом французского финансового капитала в царской России. Таким путем хозяйство Средней Азии втягивалось в общее русло не только российского, но и мирового империалистического хозяйства.

При помощи кредитов дехканство принуждалось производить только то сырье, которое требовала мет-

---

[21] В. В. Заорская, К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края, с. 29.

рополия. Таким методом туркестанское хозяйство было превращено в производителя главным образом хлопка; а в некоторых районах даже запрещалось сеять зерновые культуры. В этом искусственном превращении страны в аграрно-сырьевой придаток большую роль сыграли представители местных господствующих классов, которые фактически и были организаторами производства в интересах российских магнатов.

Банки давали кредиты только местным землевладельцам, купцам, ростовщикам. Последние же, получая огромные ссуды, выдавали их дехканам за высокие проценты. Так государственный банк душил дехкан руками их собственных эксплуататоров. За производителями Ферганской области, которая давала почти 75% туркестанского хлопка в 1914 г., числился долг в 60 млн., тогда как стоимость всего произведенного хлопка определялась в 90 млн. руб.[22]. Именно на этой почве расцветали такие фигуры, как андижанский миллионер Муминбаев. И таких богатых купцов-ростовщиков было много, причем они были тесно связаны не только с русскими, но и с европейскими капиталистами. Так, бухарские миллионеры братья Ходжаевы поставляли каракуль на европейские рынки — во Францию, Германию, Англию. Небезынтересно отметить, что до проведения железной дороги узбекский каракуль больше употреблялся местным населением, чем вывозился. В связи же с развитием железных дорог и соединением Туркестана с Россией почти весь каракуль стал вывозиться. Цены на него очень поднялись, и он стал недоступен местным трудящимся. Каракуль был тогда в моде, что еще больше повышало его стоимость и обогащало его владельцев. Ташкентские заводчики-ростовщики Ариф Ходжаев, Ша-Салихов, Абдурашитов, Исхаков и прочие делали миллионные обороты, они имели филиалы в Петербурге, Гельсингфорсе и других местах[23].

Правящие круги России, культивируя отсталые докапиталистические отношения, в частности развитие ростовщического капитала, не могли все же оградить Туркестан от проникновения в него капиталистических

[22] ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. I, 1915, д. 3276, л. 20—24.

[23] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, 1914, д. 106, л. 8—9.

элементов и возникновения в его классовой структуре новых сил, воплощавшихся как в рабочем классе, так и в буржуазии. Уже наряду с представителями местного торгово-ростовщического капитала, которые были важнейшим звеном в системе колониальной эксплуатации, появилась местная буржуазия. Она начала искать возможности для производительного применения своих свободных капиталов. Но уродливое развитие промышленности неизбежно приводило к тому, что численность буржуазии, как и рабочих, оставалась незначительной. Она могла только мечтать о собственном «национальном» государстве, о собственном «национальном» рынке, где она была бы единственным хозяином. Как мы увидим ниже, эта слабость среднеазиатской буржуазии обусловила также и ее нежелание бороться с царизмом. Она сразу же встала на путь соглашательства. Ее идеологи-джадиды с сожалением писали о том, что «наша промышленность уходит у нас из рук»[24]. Надо сказать, что авторитет джадидов в народных массах был невелик. А благоволение царизма к ним и к местной буржуазии привело их к союзу с поработителями.

Буржуазия Туркестана стала вкладывать свои свободные капиталы преимущественно в наиболее выгодное дело — скупку земли, мало заботясь о серьезном развитии сельского хозяйства. Существуя в основном на базе докапиталистической ренты, буржуазия примирилась с тем положением, что в стране, лишенной возможности развивать свою промышленность, почти единственной сферой приложения труда и капитала (кроме торговли и ростовщичества) является сельское хозяйство, выходя из этой ситуации за счет дополнительного привлечения в доходную его отрасль — хлопководство — дешевых рабочих рук.

---

[24] «Садои Туркистон». Таш., 15.IV.1914.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

На территории сегодняшнего Узбекистана в XIX в. не прекращалась острая, напряженная классовая борьба.

Пришел царизм — пришел новый враг. Старые, «собственные» враги тоже не сошли с исторической сцены. Угнетение и эксплуатация народных масс усилились. К классовой борьбе теперь прибавилась борьба с колонизаторами. Выше уже отмечалось, что с колониальной эксплуатацией были связаны лишь господствующие классы царской России, а также их опора — местные реакционные классы. Все эти силы были органически враждебны трудовому народу, всему передовому, прогрессивному. Поэтому то здесь, то там стихийно вспыхивали возмущения местного населения против своих угнетателей.

В 1882 г. назревало восстание в Ферганской области; но царские власти, заблаговременно узнав о нем, расправились с недовольными. В донесениях в Петербург сообщалось, что «шайки представляли собой довольно значительный контингент бездомных, безземельных людей». Обезземеленные дехкане, разоренные ремесленники выступили на борьбу за свои права, за свою жизнь. Но силы были неравны. В руки царских палачей попало 50 самоотверженных борцов за свободу. Из них 5 человек были приговорены к повешению, а остальные сосланы на каторгу. Но сильное брожение в народе не утихало. В августе 1885 г. в Андижанском, Ошском и Маргеланском уездах Ферганской области началось восстание. Повстанцы нападали на кишлачных баев, волостных, аксакалов. Это была вполне реальная попытка расправиться с собственными эксплуататорами. Повстанцы отбирали у них скот, оружие, ковры, халаты. Захватывая в плен представителей местной власти, повстанцы предлагали им вступать

в их ряды и вести борьбу с царскими властями. Но верные слуги царизма всеми правдами и неправдами старались уклониться от этого. В Маргеланском уезде один из аксакалов даже прикинулся умалишенным. В Андижанском уезде нескольким представителям местной власти удалось бежать; а один из них (волостной старшина, сын известного кокандского феодала Афтобачи, предавшего дехкан в восстании 1875—1876 гг.) был убит повстанцами за отказ присоединиться к ним. Народные массы начали осознавать, что их существование подчинено власти «белого царя» (ак-падишаха) в значительной мере благодаря помощи местных угнетателей.

Некоторые недовольные распространяли воззвания с призывом ко всеобщему восстанию против ненавистного «ак-падишаха» и его приспешников. Царские чиновники не на шутку испугались. В Петербург летели донесения за донесениями: «Туземцы в Фергане... находились в довольно напряженном состоянии... Все действия шаек указывали, что они появились с целями противоправительственными» [1].

В это время среди некоторых слоев местных господствующих классов были сильны панисламистские настроения. Как правило, к этой группе принадлежали именно те феодалы и представители мусульманского духовенства, которые были ущемлены политикой царской России. Они стремились сбросить власть царизма, чтобы не делить ни с кем свою власть, свои доходы. Для возвращения былой политической мощи они пытались использовать стихийные народные возмущения и под видом защиты «народных прав» снова взять судьбы народа в свои руки. Появление в лице российского царизма нового врага давало им надежду отвлечь народную ненависть от себя. Маскируя свои классовые интересы, феодалы иногда вели народ за собой под знаменем борьбы «за общенародное дело — чистоту ислама». Таким образом во главе восстания 1885 г. оказался узбекский землевладелец Дервиш-хан. Но повстанцы были плохо организованы, плохо вооружены и не могли долго сопротивляться карательным

[1] В. И. Межов. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Т. 427, СПб., 1887, с. 41.

войскам. Наиболее активные из повстанцев — чайрикеры и разорившиеся городские ремесленники — были арестованы и осуждены на каторжные работы. Дервиш-хан при помощи своих родственников скрылся и тем самым избежал ареста.

В Маргеланском уезде ширилось недовольство из-за налогового грабежа, которому подвергались там дехкане. Уездный начальник Бекчурин собрал с них один и тот же налог четыре раза [2]. Никакие просьбы и протесты не помогали. Налог собирали при помощи нагаек и плетей. Народ хотел расправиться с волостным старшиной, но последнему удалось спрятаться. Туркестанский генерал-губернатор вынужден был немедленно сместить дискредитировавшего себя Бекчурина и вернуть часть собранных денег. Сила народного возмущения испугала царских сатрапов.

В 1892 г. вспыхнули волнения среди городской и кишлачной бедноты Ташкента и его окрестностей. Этот так называемый холерный бунт возник в результате поборов и злоупотреблений царской и местной властей в связи с начавшейся в городе эпидемией холеры. В целях предотвращения распространения заразы было сделано распоряжение, чтобы всех больных отправлять в холерный барак, а умерших сваливать в общие ямы и заливать известью. К тому же старые кладбища были закрыты, новое специальное кладбище было очень далеко, а по шариату полагалось «нести труп к месту погребения обязательно на руках» [3]. Таким образом нарушались религиозно-бытовые традиции коренного населения, поэтому в среду повстанцев влилось и некоторое количество мусульманского духовенства.

Нагрянувшим несчастьем беззастенчиво пользовались царские и местные власти. Царил безграничный произвол. Нередки были случаи, когда местный «санитарный надзор» находил «холерных» больных там, где их не было. И если бедняк не мог дать взятку, то, даже будучи совершенно здоровым, мог оказаться в холерном бараке. Приходилось снимать с себя последний халат. Такой же произвол был и в вопросе погребения. Все это вызвало резкое возмущение народа. Он пошел к дому губернатора, снося по дороге все кордоны. Воз-

[2] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, д. 9, 1883.
[3] История Узбекской ССР. Т. 2, с. 79.

мущенная беднота избивала городовых и аксакалов. Во время столкновения с полицией много людей погибло[4]. Это народное выступление весьма напугало царскую администрацию, и расправа с участниками была суровой.

В 1898 г. в Ферганской области снова началось сильное брожение. Разоренные безземельные дехкане и городская беднота искали выхода. В довершение ко всему в 1897 г. был сильный неурожай.

Возбуждение охватило не только всю Ферганскую область, но его отголоски проникли и в Самаркандскую область и даже в самые отдаленные уголки Бухарского ханства. Такую накаленную атмосферу решили использовать в своих узкоклассовых интересах наиболее непримиримо настроенные к России представители ферганских землевладельцев и духовенства.

Почти с первых же дней ликвидации Кокандского ханства нарастал резкий конфликт между царскими колонизаторами и некоторыми представителями бывшей кокандской знати, к которым принадлежали «офицеры и другие служаки ханских времен, оставшиеся не у дел с переменой правительства, потерявшие прежнее положение и влияние, недовольные новыми порядками»[5] и решившие использовать возмущение масс в своих интересах.

Местные феодалы, в основном представители духовенства, панисламисты, преследовали лишь свои цели, для достижения которых они и пропагандировали «объединение всех мусульман против неверных», т. е. против немусульман, «священную войну» против иноверцев. И вот, видя глубокое недовольство народных масс, а также их неорганизованность и доверчивость, местные феодалы весной 1898 г. решили захватить руководство народным движением против царизма. Призывая народ к беспощадной войне с «неверными», они тайно развозили по кишлакам воззвания.

К восстанию готовились несколько месяцев. Во главе его встал узбекский панисламист — минтюбинский ишан Мухаммед Али-хальфа, по прозвищу Дукчи-

[4] А. И. Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем, с. 488; см. также «История Узбекской ССР». Т. 2, с. 81.

[5] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, 1898, д. 85, ч. IV, л. 11.

ишан, со своими помощниками, представителями местной феодальной верхушки — Субханкул-ханом, Иноят-ханом, Гаиб-Назаром и др. По плану восстание должно было начаться сразу в трех местах — Андижане, Новом Маргелане и Оше. Повстанцы были разбиты на отряды. И вот 18 мая 1898 г., глубокой ночью, около 1500 дехкан, среди которых было немало приверженцев (мюридов) ишана, из Мин-Тюбе и других кишлаков во главе с Дукчи-ишаном подошли к Андижану. Прежде чем произвести нападение на гарнизон царских войск, повстанцы перерезали все телеграфные провода, изолировав Андижан от Ташкента.

Хотя руководство восстанием захватили феодалы, повстанцы не везде были их слепым орудием. Так, в самом Андижане стихийно организовалась другая группа, во главе которой стоял Мухаммед-ака. Разорившийся ремесленник-гончар Мухаммед-ака вынужден был пойти в водоносы к управляющему одним из хлопкоочистительных заводов, принадлежавших московскому фабриканту Соловьеву. В судебных материалах царских властей отмечено следующее: «Когда подходили к Андижану (повстанцы во главе с Дукчи-ишаном. — *З. К.*), навстречу вышла пешая толпа в 200 человек, начальство над которой взял на себя Магомет-Зюзюм, служивший прежде прислугой у русских»[6]. И это, конечно, не случайно. Вся Ферганская область, и в частности ее Андижанский уезд, была наиболее сильно втянута в систему российского хозяйства. Здесь насильственная товаризация хозяйства была настолько велика, что ремесленники и дехкане быстро превращались в «свободные» рабочие руки, не находившие себе применения.

Андижанские повстанцы, безусловно более передовые, чем жители кишлаков, пытались выдвинуть руководителя из своей среды, но стихийность движения, слабость классового самосознания и сила традиций привели их также к союзу с феодалами. Объединившись, повстанцы двинулись туда, где помещался гарнизон, и неожиданно напали на солдат, из которых более двадцати были убиты и многие ранены. Во время наступления фанатики-муллы громко читали Коран, а сам ишан шел под сенью «зеленого знамени пророка».

[6] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 4, д. 313, 1898, л. 331—352.

Однако гарнизон, хотя и малочисленный, но несравненно лучше вооруженный, быстро рассеял повстанцев, которые были вооружены лишь холодным оружием, серпами и просто кольями. Огнестрельное оружие имели лишь несколько феодалов. Генерал-губернатор выслал из Ташкента карательные отряды, а на местах были вооружены «все преданные туземцы».

Восстания, намеченные в Оше и Маргелане, так и не начались. Заговорщики-феодалы после поражения повстанцев в Андижане быстро переменили свою ориентацию. Так, в Оше волостной управитель вместе с одним из намеченных феодалами руководителей восстания, решив замести следы, донесли о нем начальнику уезда и выдали всех известных им повстанцев-дехкан (кроме своих родичей). Повсюду начались аресты. Местные богачи и администрация были явными помощниками царских властей. В материалах туркестанского генерал-губернатора можно найти много таких примеров. В Ташкенте, например, «почетные туземцы с разрешения губернатора выражают верноподданнические чувства и негодование по поводу злодейского нападения в Андижане и просят позволения собрать между собой сумму для семейств убитых нижних чинов». То же было и в Самарканде: «Самаркандский губернатор доносит, что в его области все спокойно... громадная депутация туземцев принесла ему поздравления и уверение в верноподданнических чувствах»[7].

Основной удар царизма обрушился на народные массы. В расправе с ними его верной опорой были местные землевладельцы, купцы, администрация, еще раз убедившиеся в силе царских властей. Даже оба руководителя минтюбинской группы повстанцев — Дукчи-ишан и Субханкул-хан — были найдены и арестованы именно при помощи местных властей — волостного управителя и двух полицейских, за что последние были награждены медалями.

Всего было арестовано 546 человек. Военно-полевой суд приговорил к повешению 18 повстанцев, в том числе Дукчи-ишана, Иноят-хана, Субханкул-хана, осталь-

---

[7] Там же.

ные были отправлены в тюрьмы и на каторгу. Все имущество повстанцев было конфисковано, а повстанческие кишлаки сметены с лица земли.

Встав во главе восстания, Дукчи-ишан и его сообщники прекрасно понимали, что народ не только стремится освободиться от власти русского царя, но хочет также получить землю, хочет улучшить свою жизнь. Это также прекрасно понимали и царские власти. Они сообщали в военное министерство, что «общность побудительных причин — земля», а «мусульманский фанатизм» — дело второстепенное. Но феодалы, принявшие участие в восстании 1898 г., не поощряли земельных требований дехкан, они боялись этого. Их лозунгом был религиозный лозунг «во имя Аллаха — за Коран и шариат», скрывавший их подлинные цели. Дукчи-ишан и его сторонники хотели, сбросив власть царизма, восстановить свои прежние права. Это нашло выражение в провозглашении Дукчи-ишана помощником халифа (заместителя Аллаха на земле) и в стремлении избрать ханом его десятилетнего племянника, а его самого назначить регентом.

Восстание 1898 г., в котором сочеталась борьба народа против чужеземного ига под религиозными лозунгами с борьбой против тяжкой феодальной эксплуатации, было подавлено. Оно и не могло быть успешным, потому что ему были присущи все слабости крестьянских восстаний — отсутствие руководства передового класса, стихийность, разобщенность.

Но уроки истории никогда не пропадают втуне. Узбекские и другие местные народы прошли хорошую школу борьбы. Они поняли, что опыт борьбы за свободу приобретается не сразу, а дорогой ценой тяжелых ошибок и кровопролитных битв. В результате частых столкновений с классовыми врагами народные массы политически мужали, защищая свои права и свое человеческое достоинство. Но, как отмечалось выше, успешная борьба за свободу не может быть стихийной, во главе ее всегда должны стоять высоко идейные самоотверженные руководители. В начале XX в. в Туркестане такую благородную роль взяла на себя когорта российских большевиков, сплотившая вокруг себя все передовые силы местных трудящихся для борьбы за свободу.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. В ТУРКЕСТАНЕ

В начале XX в. Туркестан уже был соединен с Россией железной дорогой. Со строительством железной дороги и первых заводов появился и рабочий класс. Значительное количество рабочих, преимущественно русских, было сосредоточено в железнодорожных депо и мастерских. Среди русских рабочих были и политические ссыльные, высланные из Центральной России за революционную деятельность [1]. Некоторые из них были социал-демократами. Эта наиболее сознательная передовая часть русского пролетариата сыграла огромную роль в пробуждении революционного сознания местных трудящихся. Именно политические ссыльные начали пропагандировать здесь социалистические идеи. Они получали и распространяли среди рабочих большевистские газеты — ленинскую «Искру», «Вперед», «Борьбу пролетариата» и др.

В начале XX в. центр мирового революционного движения переместился из Европы в Россию, а русский пролетариат превратился в передового борца международного рабочего движения. Во главе этого движения стояли большевики-марксисты.

Революционные выступления пролетариата Петербурга, Москвы и других промышленных центров против самодержавия пробуждали также классовое самосознание трудящихся окраин царской России, в том числе и Средней Азии. Ее трудовые массы влились в единый поток общероссийского революционного движения. Революция 1905—1907 гг. разбудила угнетенные народы Азии: «Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [2].

---

[1] Подробнее см.: А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане. Таш., 1957.

[2] В. И. Ленин. Пробуждение Азии.— Т. 23, с. 146.

Во главе революционных боев народных масс с царизмом выступила большевистская партия, созданная и руководимая В. И. Лениным. Большевики сплачивали под своим интернациональным знаменем местные угнетенные массы и помогали им понять «коренную противоположность между Россией реакционной, колонизаторской и Россией революционной, пролетарской. Они впервые увидели в русских рабочих силу, способную бороться против гнета и эксплуатации»[3].

В 1904 г. в Средней Азии возникли объединенные группы, куда входили не только социал-демократы, но и эсеры, в частности в Ташкенте. В некоторых городах имели значительное влияние меньшевики и эсеры, в основном среди русской интеллигенции и мелкой буржуазии. Были меньшевики даже среди царских чиновников, как, например, Наливкин. Не избегли их влияния и самые отсталые слои русских рабочих. Лишь весной 1905 г. в Ташкенте произошел разрыв социал-демократов с эсерами и была создана ташкентская группа РСДРП, в которую входили большевики и меньшевики, а также самаркандская группа большевистского направления.

Перед большевиками Туркестана стояли сложные задачи. Необходимо было направить в социалистическое русло стихийное рабочее движение и тем самым отвоевать русских рабочих в Туркестане у меньшевиков и эсеров. Необходимо было доказать местным трудящимся, что русский рабочий и трудовой крестьянин отнюдь не соучастники преступлений царизма и не слепое орудие в его руках; что он также угнетает русских, местные народы; что русский народ видит в царизме своего заклятого врага. Иными словами, нужно было связать борьбу колониальных трудящихся с борьбой революционных сил в России и тем самым лишить возможности местные господствующие слои привлечь «свои» народные массы под знамена панисламизма, джадидизма и прочих враждебных трудящимся идеологий. Средоточием большевистской агитации были железнодорожные мастерские Среднеазиатской железной дороги.

---

[3] История коммунистических организаций Средней Азии. Таш., 1967, с. 87.

Местные рабочие были тесно связаны с кишлаками. Многие из них еще не были в подлинном смысле слова пролетариями, так как все еще стремились удержать за собой «собственный» кусок земли. Рабочие делились со своими кишлачными родичами всеми новостями, которые они узнавали в городе. Их уже начинали волновать и «чужие» судьбы. Так, в конце 1904 г. многие местные рабочие в Ташкенте и дехкане в Фергане говорили о том, что «в Баку началась война против белого царя» — речь шла о знаменитой бакинской декабрьской стачке.

Революция 1905 г., охватившая всю Россию, докатилась и до Туркестана. Несмотря на все меры, принятые царской администрацией, сообщения о разразившейся революционной грозе в Центральной России очень быстро распространялись. Весть о расстреле рабочей демонстрации 9 января в Петербурге вызвала возмущение среди рабочих Туркестана. Они проводили митинги, собрания, на которых решительно призывали массы к борьбе с самодержавием. 12 января 1905 г. состоялся митинг, на который пришло более 400 рабочих, главным образом железнодорожников, причем присутствовали и нерусские рабочие. Большевики распространяли статьи Ленина, листовки и воззвания Казанского и Бакинского комитетов РСДРП. Недаром царские чиновники считали, что «наиболее опасным для спокойствия Туркестанского края является город Баку» [4]. В одной из своих подпольных типографий большевики напечатали и распространили воззвание, в котором призывали к свержению царского правительства — «этой шайки разбойников со слабоумным царем во главе».

С осени 1905 г. в Ташкенте, Самарканде и других городах Туркестана рабочие бастовали, проводили стачки, устраивали митинги. Всероссийская октябрьская забастовка железнодорожников была поддержана единодушно и русскими, и узбекскими рабочими железнодорожных мастерских. В Ташкенте 15 октября 1905 г. был проведен митинг, закончившийся демонстрацией русских рабочих, к которой присоединились трудящие-

[4] Цит. по: А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане, с. 183.

ся других национальностей, городская беднота, представители мелкой буржуазии и дехкане пригородных кишлаков.

18 октября в Ташкенте состоялась демонстрация, участники которой требовали выполнения манифеста от 17 октября — освобождения политических заключенных из тюрем. Исполнявший должность генерал-губернатора Сахаров приказал разогнать демонстрантов, причем были жертвы. Похороны этих жертв 20 октября превратились в политическую демонстрацию. Колонизаторы испугались революционного натиска и пошли на уступки. Часть политических заключенных была выпущена из тюрьмы. 20 октября во время митинга на кладбище раздавались листовки с лозунгами «Долой самодержавие» [5]. Большевики организовали также митинг в Самарканде, в котором приняли участие более тысячи человек. На этом митинге с призывом ко всеобщей забастовке выступил большевик М. В. Морозов — издатель газеты «Самарканд».

При помощи передовых русских рабочих местные трудящиеся, пробужденные от политической спячки, поднимались на борьбу против заклятого врага — российского самодержавия.

Большевики Ташкента и Самарканда на первой Туркестанской социал-демократической конференции в начале 1906 г. приняли решение о дальнейшей активизации политической работы среди местного населения [6]. В так называемых старых городах стали появляться революционные антиправительственные листовки, написанные от руки по-узбекски, по-таджикски, по-татарски. Среди рабочих-татар было немало революционно настроенных людей. Их агитационная работа не только имела значительный успех среди татарского населения, но и легко доходила до широких слоев узбеков благодаря тому, что они знали узбекский язык. Царские чиновники были серьезно обеспокоены тем, что «революционные листовки со статьями зажигательного свойства стали появляться среди татарского населения» [7]. Татарские большевики приезжали из Уфы,

---

[5] «Туркестанские ведомости», 22.X.1905.

[6] «Солдатский листок — Правда». Таш., 1906, № 2.

[7] ЦГА УзССР, ф. Сыр-Дарьинского областного правления, 1905, оп. 3, д. 232, л. 3—4.

Казани и других городов, скрываясь в Туркестане от преследований царских жандармов. В Казани уже в 1903 г. было налажено печатание прокламаций на татарском языке. В этих прокламациях-воззваниях говорилось об объединении всех трудящихся, независимо от их национальности, о том, что царизм — злейший враг не только татарских и других мусульманских рабочих и крестьян, но также и всего русского народа. В 1905—1906 гг. немало воззваний, написанных на татарском языке, ходило среди местного населения. Насколько сильно было влияние революционных идей на узбекских, таджикских, татарских и других трудящихся в Туркестане, может свидетельствовать тот факт, что даже в конце 1907 г., когда наступила реакция, местные рабочие продолжали бороться за улучшение своего положения. Бастовали рабочие соловьевских хлопкоочистительных заводов в Андижане, каунчинского сахарного завода под Ташкентом, рабочие и служащие ташкентского миллионера Арифходжи. В ноябре 1907 г. один молодой приказчик-татарин читал последним полученную им из Казани листовку, в которой говорилось о праве наций на самоопределение.

Туркестанские большевики упорно пропагандировали ленинские взгляды на решение национального вопроса, укрепляя связи с местными трудящимися разных национальностей. Так, весной 1905 г. большевик М. В. Морозов писал: «Мы, русские, должны обеспечить всем национальностям мирное трудовое существование», поскольку лишь подобная политика может сблизить и объединить народы «окраин и центра» [8].

Среди местного населения были смелые агитаторы, особенно железнодорожные и другие рабочие, работавшие вместе с русскими. Активное участие в революции 1905 г. принимала также та небольшая горстка передовых представителей трудящихся Средней Азии, которая, окончив русско-туземные школы, использовала свою грамотность и знание русского языка в революционных интересах своего народа, как, например, Султан-Ходжа Иногам Ходжаев, Султан Ходжа Касымходжаев, Магды-Ходжа Гарун Ходжинов и др.[9]. Имен-

---

[8] «Самарканд», 23.III.1905.

[9] См. «История Узбекской ССР». Т. 2, с. 302, 303, 308.

но из них местное трудовое население выдвигало делегатов на собрания и митинги. Эти делегаты вступали в тесный контакт с русскими социал-демократическими организациями и несли их революционные идеи в массы своего народа.

К началу революции 1905 г. почти во всех больших городах Туркестана — Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане, Маргелане, Ходженте — существовали социал-демократические группы. Иногда возникали стихийно ростки новой революционной власти, например в виде железнодорожных комитетов рабочих и служащих, которые в местных условиях выполняли роль Советов рабочих депутатов. Царские власти отмечали, что «состав служащих на железных дорогах представляет из себя массу, легче всего революционизируемую» [10].

Даже в такой отсталой, глухой колонии, как Туркестан, рабочие не были одиноки в борьбе с самодержавием. Значительные восстания были и в солдатских гарнизонах. Заколебалась важная опора царизма. В гарнизонах создавались военные комитеты, работавшие совместно с железнодорожными.

15 ноября 1905 г. в ташкентской крепости произошло первое вооруженное восстание солдат. Оно было жестоко подавлено, а его участники отправлены на каторгу. Но эта расправа не испугала революционных солдат. В течение всего 1906 г. в Туркестане продолжали восставать отдельные гарнизоны. Ташкентские солдаты-большевики имели свою газету «Солдатский листок — Правда», первый номер которой вышел в январе 1906 г. В этой газете, призывая угнетенных солдат к борьбе, они писали: «Есть у нас страшный, грозный враг — внутренний враг: богатеи, капиталисты».

Царское правительство опасалось, как бы революционные настроения не проникли в дехканские массы. И его опасения не были напрасны. Революционная борьба рабочих разбудила дехкан. В кишлаках Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской областей начались волнения. Многие дехкане интересовались тем, что происходило в городах. Их сородичи — городские

---

[10] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 423, л. 105.

рабочие, ремесленники, учителя — сообщали им поразительные вести: русские рабочие борются против падишаха, они его ненавидят и не боятся. Сначала многие из дехкан не верили этому, потом, убедившись в правдивости таких вестей, радовались и явно выражали сочувствие революции. Распространявшиеся среди местного населения прокламации с призывами к восстанию попадали и в кишлаки [11]. Но недостаточная сознательность дехкан, их отсталость и темнота обусловливали слабость их борьбы.

Дехкане Самаркандской и Сырдарьинской областей иногда подавали прошения царским властям с просьбами наделить их землей и улучшить условия жизни. Царские власти, боясь активных революционных выступлений дехкан, обещали удовлетворить их просьбы. Они всеми мерами старались изолировать дехканские массы от революционного влияния рабочих. Но революционная агитация продолжала проникать в кишлаки и оказывала на дехкан определенное влияние. Дехкане отказывались платить налоги, не хотели больше нести натуральные повинности, подчиняться волостным и аксакалам, требовали земли и воды.

Наиболее благоприятной для революционной пропаганды была почва в кишлаках Ферганской области, которая сильнее других была втянута в систему не только российского, но и мирового хозяйства. Ферганские дехкане-хлопкоробы были связаны миллионами нитей экономического, бытового характера с рабочими хлопкоочистительных и маслобойных заводов, с ремесленниками, с железнодорожными рабочими. Они уже более четко сознавали, что у них и у русского народа — общий враг. В 1906 г. многие ферганские дехкане стали вооружаться [12]. Выступая в основном с экономическими требованиями, они собирались большими группами и нападали не только на царских полицейских и чиновников, но и на «своих» баев, волостных управителей и прочих эксплуататоров.

---

[11] См.: Т. Р. Каримов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане. Душ., 1957, с. 27.

[12] См.: А. В. Макашев. К истории революционного движения трудящихся Туркестана в 1905—1907 гг. Душ., 1959, с. 23.

* * *

Под давлением революционного движения, развернувшегося по всей России, царизм вынужден был издать закон о выборах в Государственную думу. Но для Туркестана «Правила... о выборах» были получены тогда, когда первая Дума уже начала свои заседания. Пока в Туркестане шла избирательная кампания, Дума была распущена.

Боясь проникновения представителей трудовых масс коренного населения Туркестана во вторую Государственную думу, царское правительство кроме общих ограничений для трудящихся России издало еще особое «разъяснение», гласившее, что «согласно закону в члены Государственной думы могут быть избираемы только лица, знающие русский язык, и потому незнающие русского языка не могут быть избираемы и в выборщики от волостей». Так одним росчерком пера царизм уничтожил право выборов в Государственную думу, якобы предоставленное и колониальным народам, о которых говорилось в царской «конституции» — демагогическом манифесте 17 октября 1905 г., что они «ныне совсем лишены избирательных прав». Здесь вполне уместно вспомнить слова Маркса, сказанные им о французской конституции и избирательном законе 1848—1849 гг.: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке» [13]. Применительно к Туркестану правительственное «разъяснение» означало, что никто из местных рабочих, дехкан, ремесленников не мог попасть даже в число выборщиков во вторую Думу, так как очень мало кто из них знал русский язык. По большей части русский язык знали лишь землевладельцы, купцы, переводчики, чиновники, из среды которых и предполагалось выдвигать депутатов.

Местные националисты заняли соглашательские позиции. Джадидские газеты пропагандировали идеи из статей татарской газеты «Вакт», которая выступала

---

[13] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Т. 8, с. 132.

якобы от имени «всех русских мусульман». Так, газета «Туджор» не раз предоставляла свои страницы для выступлений издателя газеты «Вакт» И. Гаспринского, призывавшего всех мусульман не устраивать революции, чтобы не стать изменниками в глазах царизма. Поддерживая политику царизма, «Туджор» и другие газеты призывали помогать царскому правительству, выбирать в депутаты «образованных людей» и т. д. Но послать своих представителей во вторую Думу им не удалось. Пока они выбирали своих депутатов, Дума была уже разогнана, так как ее состав оказался несколько левее первой.

В туркестанских городах шла серьезная борьба в связи с выборами во вторую Думу. Несмотря на жесткие меры властей, помогавших правым элементам выбирать в нее преимущественно черносотенных делегатов, русские рабочие во главе с большевиками решительно боролись за представительство в ней. От всей Средней Азии было избрано 13 человек, в том числе 7 от Туркестана. Один из депутатов второй Думы, А. Г. Зурабов, отмечал, что «Туркестан... дал левых, причем такие крупные культурные центры, как Ташкент, Самарканд и Ашхабад, дали социал-демократических депутатов» [14]. Депутаты социал-демократы вошли в думскую социал-демократическую фракцию. В Новом Маргелане был избран депутатом помощник машиниста станции Коканд (эсер). А в Самарканде был выдвинут в депутаты очень популярный среди прогрессивной части населения большевик М. В. Морозов (издатель газет «Русский Туркестан» и «Самарканд»), находившийся в это время в тюрьме. Это не давало основания властям лишить его права быть избранным, поэтому туркестанский генерал-губернатор прибегнул к угрозам, заявив, что не освободит Морозова до тех пор, пока Дума не кончит своего существования. Колонизаторы пускали в ход все средства, чтобы ослабить революционный натиск масс. Однако колониальные власти потерпели поражение, никто из правых элементов в депутаты «от русского населения» не прошел.

Не меньший нажим царские власти и местные экс-

[14] А. Зурабов. Вторая дума (воспоминания). СПб., 1908, с. 13.

плуататоры оказывали во время выборов депутатов от коренного населения. Как уже отмечалось, для большинства трудящихся был создан заслон в виде «закона» об обязательном знании русского языка, а они его не знали. К тому же местные землевладельцы, купцы, ростовщики, ишаны, муллы, выдвигая свои кандидатуры, старались заручиться поддержкой царских властей, хотя это не мешало им беззастенчиво заявлять: «Народ нас избрал как лучших. Мы будем депутатами — так хочет народ».

От Ташкента был намечен в депутаты узбекский миллионер, землевладелец и фабрикант — Ариф Ходжаев. А когда он по каким-то личным мотивам отказался, то вместо него был избран муфтий Абдувахит Рауф Абдукариев, принадлежавший к группе духовенства, связанной с буржуазно-националистическими слоями, в частности с джадидами, а также с колонизаторским аппаратом власти. Кстати, Абдукариев плохо знал русский язык, но закон был писан не для него. В Самарканде, Фергане и других местах также были избраны богачи, хотя местные трудящиеся нередко выступали на митингах против таких депутатов в Думу, а также вообще против колонизаторов и их местных приспешников.

Депутаты от коренного населения вошли в существовавшую еще со времени созыва первой Думы так называемую беспартийную мусульманскую фракцию. На деле же эта «беспартийная» фракция поддерживала вполне определенные классовые интересы — интересы кадетов — и не выдвигала никаких национальных требований. Она вся дружно поддержала выступление одного из «мусульманских» депутатов из Уфы, Сыртланова, заявившего, что «все мусульмане чрезвычайно лояльны по отношению к правительству и с радостью приняли закон 17 октября». Об этом узнали среднеазиатские железнодорожные рабочие. Их русские товарищи, прочитав об этом в газетах, немедленно сообщили им. Ташкентская беднота с презрением называла депутата муфтия Абдувахита Рауфа Абдукариева «грязным хвостом ак-падишаха».

Такие депутаты не способны были пойти даже реформистским путем тех куцых сепаратистских требований, которые были им предложены во время выбо-

ров в Ташкенте[15]. В революции 1905—1907 гг. большинство местной буржуазии, землевладельцев, духовенства проявили себя как реакционная сила, вступившая в сделку с российским империализмом.

* * *

Революционное движение 1905—1907 гг. в Туркестане было составной частью общероссийской революции. Революция 1905 г. была прекрасной политической школой для трудящихся Туркестана. В этой школе они узнали, что царизм ненавидят не только они, но и русский народ и все другие народы России. Русский народ показал, как надо бороться за свои права. Русские рабочие уже проявляли себя как значительная историческая сила. Народы окраин увидели в них братьев, угнетенных одним и тем же врагом — царизмом. Постепенное осознание общности интересов приводило народы Средней Азии к интернационализму, постепенно исчезала национальная рознь, так как народы убеждались в классовой разнородности великодержавной метрополии и все яснее понимали, что общих национальных интересов у трудящихся с эксплуататорами нет.

Русская революция 1905 г. была народной революцией, и узбекский народ, как и таджикский, туркменский, киргизский и все другие народы, населявшие царскую Россию, был ее участником, став с помощью русского рабочего класса и под его руководством на революционный путь развития.

---

[15] Например, IV пункт наказа, требовавший самоуправления для старой (узбекской) части Ташкента, и др.

ТУРКЕСТАН В 1908—1917 гг.
ВОССТАНИЕ 1916 г.

Реакция, воцарившаяся в России после поражения первой революции, свирепствовала и в Туркестане. Много революционеров было сослано в Сибирь, посажено в тюрьмы. Жизнь русского, узбекского и других народов стала еще тяжелее.

Горстка большевиков Туркестана, так же как большевики всей России, была уверена в неизбежности нового революционного подъема. Те из них, которые уцелели от царской расправы, ушли в подполье и продолжали вести революционную работу. Но охранное отделение раскинуло всюду сеть своей агентуры. Не было почти ни одного передового русского рабочего в Туркестане, за которым не была бы организована слежка.

После роспуска второй Думы и ареста ее социал-демократической фракции был издан новый, третьеиюньский закон 1907 г. о выборах в третью Думу, который совсем уничтожил «представительство окраин». Все угнетенные народы Сибири и Средней Азии были объявлены «политически незрелыми» и лишены избирательных прав. Но не только «инородцы», а и все русские рабочие и крестьяне, жившие в Туркестане, были лишены права голоса якобы потому, что они жили на «окраине». Настолько велика была боязнь революции в колонии, что правительство не рискнуло дать права представительства даже господствующей верхушке русского населения. Царские политики сочли это «неполитичным»[1]. Дать же право представительства в Думу всему русскому населению в колонии, т. е., иными словами, попробовать подкупить русских рабочих и крестьян и тем самым укрепить свои великодер-

[1] См. «Туркестанское сельское хозяйство». Таш., 1914, № 2, с. 210—211.

жавные позиции в Туркестане, они боялись. И боялись не только потому, что такой закон мог вызвать возмущение узбекского и других народов, но также и потому, что царизм уже имел возможность убедиться в том, что русские рабочие — главные носители революционных идей.

В годы реакции в Туркестане в жилищах русских рабочих нередки были обыски, особенно у железнодорожников. Один из жандармских офицеров выразился метко: «Железная дорога привозит к нам в Туркестан социализм». В одном из дел охранного отделения были найдены донесения жандарма, производившего обыски в рабочих квартирах в январе — феврале 1908 г. в Ташкенте. Он подробно описывал все незатейливое имущество в этих жилищах. Произведя обыск в квартире железнодорожного рабочего Галкина, жандарм подчеркивает исключительную бедность его обстановки и пишет, что ничего, кроме большого количества табаку и газет для курения, обнаружено не было, причем он перечисляет найденные им газеты — «Туркестанские ведомости», «Московский листок», «Гудок». В донесении это место было подчеркнуто его начальником, а на полях помечено: «Старый осел». Газета «Гудок» — большевистская газета, издававшаяся в начале 1908 г. в Баку, была очень распространена среди передовых рабочих железнодорожных мастерских в Ташкенте, Самарканде и многих других городах.

Большевики Ташкента, Самарканда, Коканда и других городов края были тесно связаны с большевиками Ашхабада, Кзыл-Арвата, Красноводска, а через последних и с большевиками Кавказа, в частности Баку и Тифлиса. Основным большевистским центром были железнодорожные мастерские. Большевики, высланные из Центральной России или бежавшие от преследований в Туркестан, не порывали связи с большевиками Петербурга, Москвы, привозили с собой нелегальную литературу (произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Ф. Меринга, А. Бебеля, решения партийных съездов и пр.), выступали агитаторами и пропагандистами. Бакинские и тифлисские большевистские организации также нередко присылали своих агитаторов в Ташкент, Коканд, Самарканд

и другие города Туркестана, несмотря на организованную за ними слежку.

Большевики стояли на позициях интернационализма, стремясь укрепить в сознании коренного населения единство его интересов с интересами русских и других трудящихся. Огромное воспитательное значение имела четкая программа по национальному вопросу, принятая на II съезде РСДРП. Главными пропагандистами революционного братства всех угнетенных народов царской России были большевики. Царизм же и его приспешники старались во что бы то ни стало разорвать завязавшиеся дружественные связи между русскими, узбекскими и другими рабочими. Но, несмотря на всяческие ухищрения реакционных сил, чувство братской солидарности и борьба против угнетателей крепли. Уже в 1910 г. снова начинаются забастовки и рабочие волнения, продолжаясь весь 1911 год.

В Туркестане, так же как и во всей России, переломным моментом послужил Ленский расстрел бастующих рабочих 4 апреля 1912 г. Грозные волны народного возмущения прокатились по всей стране. В апреле и мае в Туркестане проходили рабочие сходки и забастовки.

В июле 1912 г. в Ташкенте вспыхнуло восстание солдат-саперов. Они требовали улучшения условий жизни, требовали от офицеров человеческого к себе отношения. Это восстание было быстро и жестоко подавлено царскими карателями. Однако, несмотря на террор, восстание саперов в Ташкенте нашло широкий отклик и сочувствие среди коренного населения Туркестана.

Туркестанские большевики активизировали свою деятельность, они поддерживали связь с большевиками центра и других областей России. Незадолго до первой империалистической войны в Ташкенте нелегально жил и работал член Бакинского комитета РСДРП И. Т. Фиолетов, впоследствии один из 26 героических бакинских комиссаров. Вместе с ним работали также известные пропагандисты марксизма, политические ссыльные М. В. Морозов, В. Д. Корнюшин, А. В. Худаш, А. Р. Бахарев и др. Начался новый подъем революционного движения. Ленин писал, что среди революционной демократии «поднялся уже вождь — рабочие

массы, и откликаются на их призыв матросы и солдаты от Гельсингфорса до Ташкента»[2].

Началась первая мировая война. Царизм вел войну в союзе с Англией и Францией, преследуя две цели — удовлетворение своих захватнических устремлений и задержку роста революционного движения внутри России. Но война не оправдала надежд, а лишь расшатала устои царизма. Глубокий кризис потряс хозяйство России до основания. Многие отрасли промышленности захирели, но за их счет выросло до небывалых размеров военное производство. Сельское хозяйство разрушалось, внешняя торговля резко сократилась. Быстрое увеличение сумм чрезвычайных расходов приводило к финансовому перенапряжению страны. Увеличивались налоги с населения и всевозможные поборы. Это еще больше разоряло русских рабочих и крестьян и тем самым сильнее углубляло классовые противоречия внутри страны. Налицо была все расширявшаяся и углублявшаяся «объективная революционная ситуация, созданная войной»[3].

Потрясения, обрушившиеся на метрополию, не миновали и колоний, в частности Туркестана, который был объявлен на военном положении. Утвержденные царским правительством монопольные цены на местное сырье, главным образом на хлопок, огромный рост цен на предметы первой необходимости, падение стоимости денег, увеличение и без того высоких налогов, ростовщическая кабала поставили народные массы Туркестана в крайне тяжелое положение. В 1916 г. при низком урожае необходимо было ввезти еще около 18 млн. пудов зерна, а ввезено было лишь немногим более 1 млн.[4], иными словами — народ был обречен на голод, так как недостаток хлеба выразился почти в 94% к потребности в нем.

В конце 1915 г. была установлена очень низкая цена на хлопок, которая не покрывала даже издержек производства хлопкороба. Чтобы удовлетворить свои насущные нужды, маломощное дехканское хозяйство должно было бы иметь на четыреста с лишним про-

[2] В. И. Ленин. Может ли быть теперь основой рабочего движения лозунг «свободы коалиций»? — Т. 22, с. 11.

[3] В. И. Ленин. Крах II Интернационала.— Т. 26, с. 263.

[4] «Бюллетень хлопкового комитета». М., 1917, № 3—4, с. 43.

центов больше того дохода, который оно получало в данных конкретных условиях. Естественно, что такое хозяйство разорялось и деградировало. В 1916 г. по сравнению с 1915 г. цены на муку повысились на 300%, на рис — на 200, на сахар — на 250, на хлеб — на 400, на ткани и обувь — на 200—350% [5]. Налоги повысились на 66%. Кроме налогов были еще введены специальные военные обложения в виде «добровольных пожертвований на нужды войны».

Все резче и резче проявляли свое недовольство и возмущение как русские, так и местные рабочие, городская беднота и трудовое дехканство Туркестана. Конец 1915 г. был началом нового подъема революционной борьбы трудящихся. Втягивание в эту борьбу отсталых народных масс началось с экономических требований. Городская беднота повсеместно требовала снижения цен. Голодные женщины громили лавки, уносили продукты, избивали полицейских. Особенно широкий размах приняли «бабьи бунты» в Ташкенте. Нередко бедняки расправлялись с богачами «по-плебейски» — нападали на баев, избивали полицейских, громили конторы хлопкоочистительных заводов. Рабочие передавали городской и кишлачной бедноте свежие новости не только о военных поражениях царской России, но и о происходивших в ней рабочих и крестьянских волнениях, о забастовках.

В середине 1916 г. царизму уже было мало реквизиции лошадей, скота, хлопка, «добровольных пожертвований», он издал указ о «реквизиции туземцев». Нетрудно себе представить, что произошло при накаленной атмосфере колониальных противоречий, когда был издан царский указ о наборе «инородцев» на тыловые работы в возрасте от 19 до 43 лет. В массах быстро назревало возмущение. Народ проклинал ненавистного русского царя и его приспешников. Последней каплей, переполнившей чашу терпения народа, было распоряжение царского правительства об освобождении от набора некоторых групп местных эксплуататоров и о разрешении нанимать заместителей. От набора освобождались все представители местной власти, ду-

---

[5] «Бюллетень хлопкового комитета». 1917, № 1—2, с. 108, 114—116, 225.

ховенство, «туземцы, пользующиеся правами дворян и потомственных почетных граждан». Кроме того, было дано право «любому туземцу» за деньги нанимать вместо себя заместителя. Ясно, что нанять заместителя мог только тот, кто имел деньги, т. е. опять те же помещики, купцы, заводчики, администрация, духовенство, в руках которых были деньги, земля, власть. Этот приказ с быстротой молнии распространился по всем городам и кишлакам. «Узун-кулак» — устный «телеграф» — работал без перебоя.

4 июля в Ходженте (ныне Ленинабад) началось восстание. Городская беднота, пригородные дехкане, чайрикеры и мардикеры потребовали освобождения от набора. Полицейские начали их разгонять. Тогда возмущенный народ бросился на них с камнями и палками. Но подоспевшие войска рассеяли повстанцев.

Через несколько дней восстание охватило Ферганскую, Самаркандскую, Сырдарьинскую и другие области Туркестанского края. В восстание включились широкие слои дехкан, местные промышленные рабочие, городская беднота и мелкобуржуазная интеллигенция. Они собирались по нескольку сот человек, а иногда и более, отнимали списки мобилизуемых, сжигали их, избивали и убивали представителей местной власти. Во многих городах Ферганы — Андижане, Маргелане, Намангане — повстанцы вступали в бой с регулярными войсками. Ферганский губернатор, учтя серьезность положения, пытался воздействовать на возмущенный народ. В Намангане, договорившись с муллами, он собрал народ в мечеть, надел на свой генеральский мундир узбекский парчовый халат, на голову чалму, взял в руки Коран, поцеловал его и сказал: «Я люблю эту божественную книгу. Верите ли вы мне теперь?» — и стал уговаривать народ дать рабочих по набору. Ответом на эту комедию было гробовое молчание.

Восстание продолжалось. Повстанцы на протяжении нескольких десятков километров разобрали рельсы на железной дороге, чтобы помешать переброске карательных войск, разрушили телеграф и железнодорожные станции. К повстанцам присоединились железнодорожные ремонтные рабочие-узбеки. На станциях Ломакино и Обручево они вступили в бой с царскими карателями, но были разгромлены.

В Ташкенте главную роль в восстании 11 июля играли рабочие — кожевники, строители и другие. Среди восставших было много женщин. Под напором повстанцев, выкрикивавших лозунги против царских властей, полицейские обратились в бегство, и только подоспевшим войскам удалось рассеять толпу, у которой почти не было огнестрельного оружия. Немало ташкентских повстанцев было ранено и убито. Поддержку раненым повстанцам оказали русские рабочие, которые скрывали их в своих домах и оказывали посильную помощь.

Наиболее грозным было восстание в Джизакском уезде Самаркандской области. Повстанцы — дехкане, рабочие, ремесленники — организовали многотысячные отряды и вступали в бои с царскими войсками. Из их среды вышли самоотверженные борцы, вставшие во главе этих отрядов. Они выступали против исполнителей царского указа о наборе — аксакалов, волостных и прочих представителей местной администрации, полицейских, офицеров и других чиновников. Повстанцы решительно заявляли, что они не признают себя больше подданными русского царя.

Увидев революционную решительность масс, узбекские помещики, буржуазия и духовенство не на шутку испугались. Многие помещики бежали в города под защиту царских губернаторов. Другие же, стремясь сохранить свое господство над массами и допуская возможность победы народа при создавшейся обстановке, неблагоприятной для царизма, примыкали к повстанцам. Но в то же время они всеми мерами стремились уменьшить их революционный пыл. За такое двурушничество одного из них повстанцы хотели убить, а некоторые после поражения восстания были повешены царскими властями.

Размах восстания напугал царских генералов, которым пришлось мобилизовать все силы для подавления восстания. И как героически ни защищались повстанцы, они вынуждены были отступить перед регулярными войсками, имевшими на вооружении пушки и пулеметы. Три недели длилось восстание. Жестока была расправа царизма со свободолюбивым народом. Каратели равняли с землей один кишлак за другим, сжигали на корню пшеницу, расстреливали стариков, жен-

щин и детей. Тюрьмы были забиты повстанцами. Заработали военно-полевые суды. К смертной казни было приговорено 347 человек, к каторге и тюрьме — 525.

В восстании 1916 г. нашла свое выражение безграничная ненависть к царизму и всей его системе. В борьбе против угнетателей разных мастей стихийно объединились все колониальные массы — бедняцкие и середняцкие слои дехканства, сельскохозяйственные и промышленные рабочие, городская беднота, ремесленники — все вступили более или менее активно в открытый бой с царизмом и его слугами. Восстание было глубоко народным. Его революционный характер не умаляло то обстоятельство, что в отдельных местах (например, в Джизакском районе) в числе его руководителей были также феодалы и ишаны, выдвинувшие реакционный лозунг газавата. Выступление народных масс против царизма, против собственных угнетателей и против мировой бойни сыграло немалую роль в борьбе против империализма и в ослаблении царизма. Однако стихийность, неорганизованность и разрозненность движения, отсутствие пролетарского руководства обусловили его поражение. Но народные массы получили серьезный урок революционной борьбы.

Массовое революционное восстание встревожило российских колонизаторов. Они явно ощутили грозное колебание почвы под ногами. Ощутили это колебание также и узбекские помещики, духовенство, буржуазия и ее идеологи — джадиды. Многовековые угнетатели «собственного» народа оказались по ту сторону баррикад и лишний раз обнаружили свою связь с российским самодержавием. Во время жестокой расправы с повстанцами туркестанский генерал-губернатор Куропаткин именно в них нашел себе помощников.

В самый разгар восстания Куропаткин устроил в Ташкенте военный парад, который был задуман как демонстрация «спокойствия в крае». На этом параде среди царских офицеров, расфранченных чиновников и их раздушенных дам видны были роскошные шелковые халаты и чалмы местных помещиков, мулл, баев. В тот же день Куропаткин отправил министрам внутренних дел и военному телеграмму следующего содержания: «Сего 22 июля после парада почетные

туземцы города Ташкента и туземцы — гласные ташкентской городской думы обратились ко мне с письменной и словесной просьбой, что они, потрясенные и подавленные явным неповиновением некоторой части ташкентских горожан высочайшему повелению о привлечении туземного населения к тыловым работам, просят верить их глубокому возмущению дерзостным преступлением безумных ослушников и искреннему желанию искупить их великую вину... т. е. исполнить волю государя и дать требуемый наряд рабочих» [6]. В этой телеграмме нашли отражение вся глубина падения и предательство местных господствующих классов. И это не было единичным фактом. Даже «независимое» Бухарское ханство сочло своим долгом расписаться в преданности своему хозяину-царю: «Двадцать крупнейших бухарских купцов заявили, что бухарское купечество, одушевленное чувствами искренней преданности и любви к России, выражает свое крайнее негодование по поводу мятежных действий самаркандцев» [7]. Чрезвычайно влиятельный узбекский ишан Шаяхши выпустил воззвание к народу «в целях успокоения умов туземцев» [8].

Джадиды также оказались на стороне царизма. Они возглавили комитеты по оказанию помощи царским властям в наборе и отправке народа на тыловые работы. С 18 сентября, первого дня отправки лашманчи (тыловиков) из Ташкента, джадиды заполняли своими угодническими статьями страницы официальной газеты, издававшейся на узбекском языке. «Сарты города Ташкента, — писали они, — счастливы и довольны тем, что они первые идут на такую великую славную работу... Мардикеры не выражали никакого недовольства, они были рады казарме» [9]. Умалчивая о национально-освободительном восстании, джадиды изображали набор как «всеобщую народную радость». А спустя некоторое время в Москве «по улицам проходили под конвоем тысячные толпы узбеков в зеленых халатах. Восстание в Средней Азии было подавлено, и узбеков гнали на Мурман — достраивать полярную

[6] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1140, л. 35.
[7] Там же, д. 1130, л. 7.
[8] Там же, д. 1127.
[9] «Туркестанская краевая газета», 1916, № 51.

железную дорогу и умирать. Первый сухой снег сыпался на расшитые серебром черные тюбетейки. Это шествие обреченных длилось несколько дней»[10].

Именно предательство местных господствующих классов значительно облегчило царизму расправу с повстанцами. Это еще раз подтвердило слова Ленина о том, что «буржуазия угнетенных наций *только* болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной *и против* своего народа»[11].

Андижанский уездный начальник с беспокойством доносил ферганскому губернатору: «Почетные туземцы, которые когда-то пользовались большим влиянием на народ, теперь это влияние утратили настолько, что открыто боятся даже говорить с народом на темы о созыве рабочих». Трудящиеся не встали под знамена буржуазного национализма, они затаили недоверие к его идеологическим носителям — джадидам.

Попытка российского военно-феодального империализма использовать в войне свои колониальные резервы потерпела неудачу. Она лишь подняла эти резервы на активную борьбу за свое освобождение. Восстание 1916 г. вбило клин между местными трудящимися и господствующими классами. Народ и здесь превращался в резерв назревавшей в недрах царской России социалистической революции.

В конце 1916 г. и в январе — феврале 1917 г. было много рабочих забастовок. Застрельщиками стали русские и местные железнодорожные рабочие и рабочие, обслуживавшие ташкентское трамвайное депо, среди которых было много женщин. Туркестанское районное охранное отделение с тревогой отмечало: «Настроение рабочих вообще неспокойное. Оставление без удовлетворения неотложнейших нужд рабочих железнодорожных мастерских может вызвать продолжительную забастовку и явится сигналом для забастовок и в других предприятиях»[12]. Царское правительство, учтя размах восстания 1916 г., пошло на уступки. Так, тур-

---

[10] К. Паустовский. Собрание сочинений. Т. 3. Повесть о жизни. М., 1958, с. 548—549.

[11] В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».— Т. 30, с. 113.

[12] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 31, д. 1153, л. 5.

кестанский генерал-губернатор Куропаткин благодарил министра путей сообщения за его распоряжение об увеличении заработной платы ташкентским железнодорожным рабочим. Царские колонизаторы уже почувствовали, что положение их в Средней Азии непрочно.

Наступила февральская буржуазно-демократическая революция. 27 февраля в Петрограде состоялось первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. Самоотверженный русский пролетариат разрешил основной вопрос буржуазно-демократической революции — ненавистное самодержавие было сброшено. Вести о происшедшей революции с быстротой молнии распространились по всей России.

Первого марта телеграф Туркестана принял сообщение об отречении царя. В Ташкенте, Самарканде, Коканде и других городах телеграфные работники передавали друг другу это радостное известие. О нем уже знали и железнодорожные рабочие. Но более широкие городские массы народа не сразу узнали о свершившемся. Царский генерал Куропаткин задерживал все телеграммы с известиями о революции в Центральной России и пытался скрыть их от широких слоев русского и местного населения, но безуспешно.

Русские рабочие Ташкента радостно говорили: «Николку скинули». 2 марта железнодорожные рабочие организовали в Ташкенте митинг, на котором был избран Совет рабочих депутатов. Часть участников этого митинга направилась к Куропаткину и потребовала от него объяснения, на каком основании он скрывает от населения официальные телеграммы о свержении царя и о революции в Петрограде. Куропаткин не постеснялся ответить, что никакой революции нет, что все слухи о ней только провокация. Но вопреки его заявлению на следующий день во всех газетах Туркестана было опубликовано сообщение о революции в России. В Коканде, Андижане, Самарканде, Бухаре и других городах состоялись митинги. Народ повсюду приветствовал свержение царизма.

Трудящиеся Средней Азии с энтузиазмом встретили весть о падении власти «белого царя» — они надеялись на немедленное уничтожение колониального гнета. Но Временное правительство не только не могло,

но и не хотело разрешить один из важных вопросов буржуазно-демократической революции — национальный. Российская буржуазия и ее правительство видели основу своего классового господства, своей политической и экономической мощи именно в сохранении колоний. По-прежнему гражданское и военное управление Туркестаном было объединено. Весь аппарат царской власти на местах был сохранен. Старый царский слуга — монархист Куропаткин остался в качестве генерал-губернатора уже как представитель «революционной» власти. Почти все военные губернаторы областей, уездные начальники, полицейские и жандармы оставались на своих местах. Для узбекского народа (как и других народов Средней Азии) ничего не изменилось. Его по-прежнему обвиняли в косности, невежестве, политической незрелости. Ему откровенно говорили, что он — народ отсталый и еще не дорос до политической самостоятельности. Керенский официально заявил, что на Среднюю Азию «нужно смотреть, как смотрят англичане или французы на свои колонии» [13].

4 марта Временное правительство издало указ о «даровании гражданского равноправия» всем народам России. А генерал Куропаткин «разъяснил», что этот указ не имеет никакого отношения к мусульманам, так как они не несли и не несут воинской повинности. Куропаткин считал необходимым «не применять полностью принципа равенства, иначе Туркестан пойдет назад: большинство голосов будет у туземцев, и они захватят все в свои руки, а руки-то ненадежные» [14]. Такого же принципа придерживалось и Временное правительство в лице Керенского, заявившего: «При неравенстве обязанностей с русским населением туземцам не следует предоставлять и полноту прав» [15].

Ленин беспощадно бичевал национальную политику Керенского. «Мы не говорим уже о том, — писал он, — что своей „великодержавной“ националистической политикой гр. Керенский только усиливает, только разжигает именно те „сепаратистские“ стремления, против которых Керенские и Львовы хотят бороться. Мы

[13] ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 1, д. 1100, л. 274.
[14] «Красный архив». М., 1927, т. XX, с. 65.
[15] Там же.

спрашиваем: совместимо ли с достоинством даже не социализма, а простого демократизма такое третирование угнетенных национальностей?» [16].

В начале февральской революции в противовес великодержавной политике Временного правительства среди местного населения имела хождение «идея общенационального объединения». Феодально-клерикальные и буржуазно-националистические слои старались использовать создавшееся положение и снова привлечь на свою сторону уже в значительной степени утраченные симпатии «мусульман». Духовенство и помещики создали свою организацию — «Улема», которая была партией панисламистов, наиболее реакционных элементов общества. В начале марта буржуазия создала в Ташкенте «Шуро-ислам» (Совет ислама). Эта организация фактически стала краевым органом управления. Вскоре такие советы возникли в ряде других городов Туркестана. Среди некоторых членов «Шуро-ислама» были распространены также идеи пантюркизма.

Как улемисты, так и шуроисламисты упорно старались дезориентировать трудящихся в их революционной борьбе за освобождение и подчинить своему влиянию. Стремясь подменить классовую борьбу национальной, они проповедовали «единство нации», «единство и самобытность тюркского народа». Для укрепления своего идейного влияния они старались усилить неприязнь ко всему «немусульманскому», которая еще сохранялась в народных массах как наследие прошлого. Использование религиозных предрассудков также было излюбленным методом борьбы улемистов и шуроисламистов против революционной демократии. Лозунгом их было: «Долой разделение на татар, сартов, казахов. Да здравствует мусульманство и тюркизм!» Они предлагали искусственно создать вместо узбеков, татар, казахов, таджиков и прочих народов Средней Азии «единый тюркский народ». А для этого, никогда не существовавшего народа они предлагали создать «единый чистый тюркский язык, изжив все их уличные языки» [17]. Местные угнетатели хотели взять

[16] В. И. Ленин. Не демократично, гражданин Керенский! — Т. 32, с. 254.

[17] «Улуг Туркестан». Таш., 30.IV.1917 (на узб. яз.).

в свои руки власть над всеми народами, населявшими Среднюю Азию.

Особенность развития Туркестана-колонии нашла свое отражение в том, что слабая местная буржуазия не только не стремилась отделиться от феодально-клерикальных слоев, а напротив — боялась потерять их благосклонность. Для подтверждения этого приведем такой характерный факт. В джадидской газете «Туран» (№ 2 за 1917 г.) была напечатана статья популярного узбекского революционера Мирмухсина о влиянии русской революции на Хиву и Бухару. В этой статье автор весьма непочтительно отзывался об улема, муллах, ишанах, называя их «живыми мельницами в длинных халатах — врагами просвещения».

Улемисты не замедлили устроить редакции газеты обструкцию. И вот в № 3 газеты появляется извинение «от редакции», подписанное редактором-джадидом Авляни, в котором сказано следующее: «Редакция „Туран" с глубокой почтительностью сообщает уважаемым работникам нации — величайшим и почтеннейшим улема о том, что передовая статья, помещенная во втором номере „Туран", мною не была просмотрена вследствие того, что я был занят некоторыми делами нации... Всем известно, что на протяжении долгих лет я действовал по шариату и всеми силами оказывал услуги нации и исламу; во многих собраниях и заседаниях выступал, защищая наших уважаемых улема... Я прошу высокопочтеннейших улема извинить меня за невнимательность, допущенную мною первый раз»[18]. Улемисты чувствовали себя господами положения. Для укрепления своей власти они вступили в союз с самыми ярыми русскими черносотенцами и приняли активное участие в борьбе с революционерами. Так, в начале июня ташкентские реакционные имамы, муллы, помещики схватили революционера Мирмухсина, заточили его в тюрьму и собирались произвести самосуд «над проклятым безбожником». Но Мирмухсину удалось бежать и скрыться от преследований.

Выше указывалось, что представители «Шуро-ислама» боялись развития революции, но свои опасения всячески скрывали. Затушевывая классовую борьбу,

[18] «Туран», Таш., 1917, № 3 (на узб. яз.).

они лицемерно говорили народу, что ни одна нация не поможет ему создать политическую и национальную мощь. При помощи националистической агитации местная буржуазия хотела отгородить трудящихся Средней Азии от революционного влияния русского народа. Она всеми силами старалась помешать созданию единого фронта между русской революцией и национально-освободительным движением среднеазиатских народов. Но ход революционных событий все чаще выявлял истинные намерения и интересы буржуазии.

События быстро нарастали. Еще во время февральской революции не только местные рабочие, но и наиболее отсталые слои дехкан и ремесленников принимали участие почти во всех митингах и демонстрациях, проводившихся русскими рабочими. Выступая вначале в качестве зрителей и слушателей, они очень скоро стали втягиваться в активную политическую жизнь.

НА ПУТЯХ К ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ

Своеобразное переплетение двух властей, двух диктатур, столь характерное для февральской буржуазно-демократической революции в России, существовало также и в Туркестане. Революционно-демократическая власть пролетариата и крестьянства нашла свое выражение в Советах рабочих и солдатских депутатов и Советах трудящихся мусульман, контрреволюционная же власть помещиков и буржуазии — в Туркестанском комитете Временного правительства, которого поддерживали феодально-клерикальный «Улема» и буржуазно-националистический «Шуро-ислам».

Как говорилось выше, 2 марта 1917 г. в Ташкенте был создан первый Совет рабочих депутатов. Не отставали от рабочих и солдаты. 5 марта 1917 г. было созвано первое организационное заседание Ташкентского Совета солдатских депутатов. В первой половине марта были избраны Советы солдатских депутатов в Джизаке и Ходженте. В этих городах, где почти не было промышленных предприятий (на весь Джизакский уезд был лишь один кирпичный завод-карлик), именно русские солдаты были наиболее активным революционным элементом. В Джизакский Совет солдатских депутатов немедленно вошли также русские и узбекские рабочие железнодорожной станции Джизак.

Но и в Туркестане, как и всюду, в Советы проникали «социал-соглашатели» — меньшевики и эсеры — и забирали в них руководство в свои руки. С первых же шагов своей деятельности они поддерживали империалистическую буржуазию. Они способствовали проведению оборонческой политики Временного правительства, старались отвести от буржуазии удары масс. На всех митингах и собраниях они выступали с лозунгом: «Война до победного конца!»

Мелкобуржуазная волна, захлестнувшая на первых порах всю Россию, захлестнула и колонии. В Туркестане миллионные мелкобуржуазные массы значительно превосходили по численности рабочий класс. К тому же наиболее отсталые слои рабочих, еще слабо разбиравшиеся в политических вопросах, также подпали под мелкобуржуазное влияние. Только благодаря такому положению меньшевикам и эсерам удалось войти в Советы рабочих и солдатских депутатов. Но этот факт отнюдь не умалял основного содержания Советов как выразителей революционно-демократической диктатуры. И это прекрасно понимали все враги революции. Так, генерал Куропаткин отмечал в своем дневнике: «В Петрограде большую, быть может, даже решающую силу забрал Совет представителей рабочих и низших чинов. Отголоски, и очень опасные, этого нароста на новом правительственном организме дошли и до нас. И в Ташкенте уже сорганизовался Совет рабочих, выделивший из себя Исполнительный Комитет. Образовался и Совет представителей от войск... Пока еще никаких особых выступлений не делается, но ожидать можно всего»[1].

Колонизаторы шли в наступление. В целях противодействия Советам они организовали свои так называемые комитеты общественной безопасности. Они создали черносотенный «Союз туркестанцев», который выступил против Советов рабочих и солдатских депутатов. Так, один из членов этого союза заявил, что «Советы, состоят из людей пришлых, случайных, ничем с краем не связанных, не знающих его нужд, а поэтому и не имеют права принимать участие в управлении Туркестаном». В состав комитетов безопасности входили не только русские капиталисты, меньшевики, эсеры, но также и местные помещики, кулаки, заводчики, джадиды. Эти комитеты были реальным выражением тесного союза всех контрреволюционеров метрополии и колонии. Они всячески помогали Временному правительству сохранить над Туркестаном власть российских империалистов как одну из основ их политической и экономической силы.

Но, несмотря на контрреволюционное противодей-

[1] «Красный архив», т. XX, с. 59—60.

ствие, рабочие и солдаты приступили к организации профсоюзов и фабзавкомов. Уже 2 марта в Ташкенте было организовано отделение Всероссийского союза железнодорожников и Союз типографских рабочих. Начала также создавать свои организации городская интеллигенция — служащие, приказчики, учителя, медицинские работники. Хотя в эти организации подчас проникали и хозяева-эксплуататоры, пробовавшие диктовать в них свои условия, тем не менее эти массовые организации в тот период были шагом вперед. Ранее таких организаций в Туркестане почти не существовало.

Постепенно силы старой власти слабели, но она еще не была побеждена. Все это прекрасно понимали туркестанские большевики. История требовала от большевиков гибкой, умелой тактики, так как все представители контрреволюции в Туркестане, как русские, так и местные, старались во что бы то ни стало изолировать народы Средней Азии от революционной борьбы русского народа. Необходимо было вести повседневную революционную мобилизацию масс.

Меньшевики и эсеры в Советах, зараженные великодержавным шовинизмом, стремились не допускать представителей коренного населения в Советы рабочих и солдатских депутатов. И действительно, на первых порах представителей коренного населения почти не было в Советах.

Всякий раз, когда силы контрреволюции наступали на революционную демократию, большевики тотчас же организовывали дружный отпор масс. Именно они сыграли огромную роль в дальнейшем революционизировании местных трудящихся. Именно они решительно боролись за проведение в жизнь всех их требований.

Куропаткин, вначале оставленный на своем посту как представитель «новой» власти, сразу же проявил свою старую сущность. Узнав о надеждах народных масс на введение всеобщего избирательного права, он сказал: «Сарты Ферганы стойко хотят добиваться равных с русскими прав (четыреххвостки) и хотят все городское хозяйство забрать в свои руки»[2]. Однако,

[2] Там же, с. 63.

издав приказ об избрании гласных для образования городского самоуправления, он подчеркнул, что это избрание должно происходить не на основе всеобщего избирательного права, а лишь на определенной цензовой основе. Гласными городского самоуправления могли быть только солидные домовладельцы.

Этот приказ вызвал резкий протест трудящихся, как местных, так и русских. Кокандский Совет рабочих депутатов, состоявший в большинстве своем из типографских рабочих, среди которых было много не только большевиков, но и большевистски настроенных людей, немедленно обсудил приказ Куропаткина и послал в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов телеграмму с требованием добиться отмены этого антидемократического приказа, резко противоречащего революционным интересам народных масс. Узнав о таких решительных действиях Совета, кокандские домовладельцы, в свою очередь, отправили срочную телеграмму Гучкову, прося его утвердить приказ Куропаткина, причем бесстыдно лгали, утверждая, что «указываемое местным советом рабочих недовольство приказом Куропаткина среди демократических слоев не соответствует действительности»[3]. Временное правительство этот вопрос не разрешило, а предложило Куропаткину действовать и впредь «на основе Вашего опыта». А через несколько дней оно еще раз проявило свою классовую контрреволюционную сущность. «Временное правительство разъяснило туркестанскому генерал-губернатору, что те русские, которые совершили в Туркестане во время бывших там народных волнений насилие над туземцами, подлежат амнистии на равных с туземцами, виновными в насилиях по отношению к русским и иным народностям, основаниях»[4]. Таким образом, Временное правительство милостиво амнистировало некоторых палачей туркестанских повстанцев 1916 г., которых вынуждено было арестовать даже царское правительство.

Эта амнистия вызвала возмущение местных и русских рабочих, а также городской и кишлачной бедноты. Они потребовали немедленной ликвидации аппара-

[3] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Главного штаба, д. 36/299, 1917, л. 4—5.

[4] «Вестник Временного правительства». Пг., № 15, 18.III.1917.

та власти, созданного еще при царе. Революционный напор масс заставил Куропаткина прислушаться к их голосу. Несмотря на то что колонизаторы расценили это законное народное требование как «возмутительное своеволие туземцев», он вынужден был не только снять ферганского военного губернатора, его помощника и ряд уездных начальников и полицейских чинов, но и отдать их под суд. Он опасался, что и сам будет арестован, так как все его действия вызывали резкое недовольство в демократических слоях колониального общества.

В конце марта Куропаткин попытался спровоцировать межнациональные столкновения. Раздав оружие русским черносотенцам — полицейским, кулакам, деклассированным элементам, он через своих агентов распустил слух, что «русские непременно вырежут всех туземцев». Он надеялся, что местное население выступит против русских и тем самым порвет дружественную связь с последними. Но эта реакционная попытка провалилась.

Возмущенные массы русского и местного населения потребовали снятия Куропаткина. 31 марта объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей Совета мусульманских депутатов и представителей крестьянских союзов Ташкентского и Голодностепского районов вынесло решение не только об отстранении от должности, но и об аресте Куропаткина и его помощников.

Но в отношении этого законного революционного акта внутри Советов не было единства. Меньшевики и эсеры всячески противились аресту представителей контрреволюционной власти. Недаром Куропаткин отметил в своем дневнике в день ареста: «Причина ареста — надо было взять власть в свои руки... Разумные члены Исполнительного Комитета противились этому решению... но ничего сделать не могли: революционная волна докатилась и до меня» [5].

После ареста Куропаткина для управления Туркестаном Временное правительство 7 апреля 1917 г. назначило Туркестанский комитет, который мало отличался от администрации туркестанского генерал-

[5] «Красный архив», т. XX, с. 61—62.

губернаторства. В его состав входили не только кадеты, но и эсеры, и меньшевики, и буржуазные «мусульманские» националисты. Кадет Щепкин игриво писал Керенскому о «мусульманском» составе Туркестанского комитета: «Артель, которую вы подобрали, очень хороша». Эти националистические деятели, подобно министрам-социалистам Временного правительства, были «говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам» [6]. Туркомитет разбил все надежды трудящихся на новую народную власть. Председатель комитета кадет Щепкин сразу начал назначать новых областных комиссаров, нередко из чинов бывшей царской администрации, как русской, так и местной, которые и проводили империалистическую политику Временного правительства.

Органы революционной борьбы — Советы рабочих и солдатских депутатов — все сильнее привлекали к себе симпатии народа. Так складывался интернациональный союз угнетенных народов Туркестана с русскими трудящимися.

В начале апреля наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов начали возникать массовые революционные организации местных трудящихся — Советы трудящихся мусульман «Иттифак». В создании «Иттифака» сыграли огромную роль лашманчи — тыловые рабочие. Вопреки распоряжениям Временного правительства эти рабочие стали массами возвращаться домой. Работая на заводах, рудниках и на железных дорогах в Центральной России, они сблизились с русскими рабочими и солдатами. Все большее число тыловых рабочих стало сознавать, что война ведется только в интересах заводчиков, помещиков, фабрикантов, что только ради их обогащения приносятся в жертву миллионы жизней рабочих и крестьян. Они уже слышали от русских рабочих и солдат о большевистской партии. Вернувшись домой в Туркестан, они рассказывали в городах и кишлаках своим родственникам и соседям о том, что русские рабочие, свергнув царя, не хотят больше подчиняться и капиталистам. Они рассказывали о том, что русские крестьяне требуют себе землю и жгут имения своих помещиков.

---

[6] В. И. Ленин. Уроки революции.— Т. 34, с. 64.

Тыловики принесли с собой чувство ненависти к чужим и своим угнетателям. Некоторые из них были связаны с подпольными большевистскими организациями. Так, один из тыловиков, работавший на Харьковском заводе Всеобщей компании электричества, рассказывал, что большевиками ему «поручались работы по печатанию и распространению листовок и прокламаций, поручалось также вести агитацию среди моих товарищей-туркестанцев» [7].

Местные промышленные и сельскохозяйственные рабочие, в большинстве своем активные участники восстания 1916 г., и рабочие-тыловики присоединялись к требованиям русских рабочих о прекращении империалистической бойни. Требование местных трудящихся вернуть тыловиков домой было своеобразным преломлением лозунга «Долой войну!» в специфических колониальных условиях. Все это пугало реакционные националистические элементы. В апреле они созвали I мусульманский съезд под председательством члена «Шуро-ислама» — лидера джадидов Мунавар-кары Абдурашидханова. Этот «всенародный» съезд приехал приветствовать председатель Туркомитета Щепкин, оценивший всю важность его для дальнейшей консолидации сил контрреволюции в Туркестане. Националистическое руководство съезда заверило Щепкина в своей преданности Временному правительству и постановило «продолжать войну до победы над врагом и быть в мире с союзными державами». В этом постановлении отразилась их боязнь революционных сил «своего» народа, которая была сильнее их стремления к созданию собственного национального государства. Многие из представителей «Шуро-ислама» (Садри-эфенди, Мунавар-кары Абдурашидханов, Мустафа Чокаев и др.) откровенно говорили, что добиваться национально-территориальной автономии не только не нужно, но и вредно. Они считали, что «мусульмане не могут сами справиться с управлением земельно-водными делами», а поэтому надо добиваться автономии только в культурно-просветительных вопросах [8]. Они предпочитали классовый контакт с российской импе-

---

[7] История пролетариата в СССР. М., 1935, с. 195.
[8] «Шуро-ислам». Таш., 16.V.1917, с. 4.

риалистической буржуазией в лице Временного правительства, обеспечивающего им возможность дальнейшего угнетения и ограбления «своего» народа.

Этот буржуазно-националистический и клерикальный всетуркестанский мусульманский съезд не оправдал ожиданий народных масс. Местные трудящиеся воочию убедились в предательстве «своих» эксплуататоров и в их союзе с российской буржуазией. Все это укрепило их веру в бескорыстные революционные действия русских трудящихся и их братскую помощь.

В конце апреля в Ташкенте были организованы профсоюзы рабочих кожевников и строителей. В течение мая — июня уже во многих местах Туркестана возникали один за другим как Советы трудящихся мусульман, так и союзы рабочих. В центре хлопководства — Фергане были созданы первые женские общественные организации — союзы работниц-узбечек. 25 мая в Коканде организовался Союз рабочих и трудящихся мусульман, 2 июня в Ташкенте — Совет мусульманских рабочих, 14 июня в Андижане — Совет мусульманских рабочих и чайрикеров.

В «Иттифак» входили промышленные и сельскохозяйственные рабочие, кожевники, строители, ремесленники, городская беднота и представители мелкобуржуазной интеллигенции. Влияние революционных организаций трудящихся городов все сильнее проникало в кишлаки. Уже некоторые пригородные дехкане входили в «Иттифак».

Советы трудящихся мусульман не были классово однородными, в них входили все трудящиеся. Ленин говорил, что там, где промышленность развита слабо, большинство Советов будут не рабочими Советами, а Советами трудящихся. Эти слова полностью применимы и к Туркестану.

В народе «Иттифак» приобретали все больший авторитет. Особенно широкой популярностью пользовались члены этих Советов — рабочие-тыловики. Они помогали кишлачной бедноте бороться за власть в волостных и кишлачных комитетах. Эксплуататоры во что бы то ни стало старались пролезть в эти комитеты. Они прибегали к запугиванию, к нажиму на зависимых от них чайрикеров и мардикеров. Но большевистски настроенные тыловики умело им противодей-

ствовали. В течение апреля — мая в Ташкентском уезде велась чрезвычайно острая борьба кишлачной бедноты с кулаками, в результате немало кандидатур последних в волостные комитеты было отвергнуто.

Многие местные рабочие были также членами Советов рабочих и солдатских депутатов. Вернувшиеся 15 мая в Ходжент тыловики сразу вошли в состав Ходжентского Совета рабочих и солдатских депутатов. То же самое было в Андижане, Намангане и Ташкенте. 10 мая в Намангане тыловики — члены Совета провели митинг, на котором защищали интересы бедноты. 20 мая в Ташкенте на Палван-арыке состоялось общее собрание Союза рабочих-кожевников. Это собрание в первую очередь обсуждало экономические нужды рабочих. И это было вполне закономерно. Ленин отмечал, что в первую очередь рабочий класс добивается улучшения условий жизни, но это вместе с тем поднимает его морально, умственно и политически, и он «становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели» [9].

Революционно настроенные русские и местные рабочие разоблачали перед массами враждебную интересам народа политику Временного правительства и его сторонников. Советы рабочих и солдатских депутатов и Советы трудящихся мусульман по мере их революционизирования приобретали все больший авторитет в глазах народа и получали его поддержку.

До местных жителей уже доходили радовавшие их слухи о том, что в России глава большевиков В. И. Ленин провозгласил право угнетенных наций на самоопределение и осудил империалистический лозунг «единая и неделимая Россия». Эти известия приходили в Туркестан через русских большевиков, поддерживавших тесную связь с центром. Именно они (ташкентская группа) получили и распространили апрельские тезисы Ленина, выдвинули лозунг «Вся власть Советам!», рассылали по всему Туркестану агитаторов и пропагандистов. Они распространяли большевистские газеты «Правду» и «Кавказский рабочий» вопреки противодействию меньшевиков, которые захватили

---

[9] В. И. Ленин. Экономическая и политическая стачка.— Т. 21, с. 319.

все газетные киоски в свои руки и старались не пропускать в массы ни одной большевистской газеты [10].

Через ташкентских и самаркандских большевиков проникали в толщу народа вести о первомайском митинге в России, на котором говорилось, что крестьяне имеют право отбирать у помещиков земли. Эти слова пришлись по душе трудовому дехканству. Ташкентский майский съезд народных мусульманских депутатов, в котором участвовали представители дехканской бедноты от 26 волостей Ташкентского уезда, выразил недоверие буржуазно-националистической организации «Шуро-ислам» и избрал из своей среды двух представителей в Краевой Совет рабочих и солдатских депутатов. Кроме того, члены съезда категорически заявили представителю «Шуро-ислама», лидеру джадидов Мунавар-кары Абдурашидханову, чтобы он больше не присылал своих сторонников в кишлаки Ташкентского уезда [11].

Среди узбекской бедноты Ходжентского уезда большим авторитетом, доверием и любовью пользовались члены Совета солдатских депутатов — русские солдаты-большевики. Они избирались на должности уездных и участковых комиссаров, а ставленники Туркомитета изгонялись. В Джизакском уезде дехканская беднота при активной поддержке Совета солдатских депутатов требовала у Туркомитета отмены конфискации земель, принадлежавших участникам восстания 1916 г., а также разрешения земельно-водного и продовольственного вопросов.

Освободительное движение в кишлаках стало превращаться в движение за землю. Трудовое дехканство отказывалось платить налоги и оброк, засевало казенно-оброчные «государственные» земли и вырубало казенные леса. Это было революционной борьбой против империалистической метрополии — экспроприатора дехканских земель.

Наряду с этим начала развиваться борьба и с «собственными» угнетателями. Трудовое дехканство стало отбирать байские земли, менять порядок водоснабжения. Так, в Нау 3 июня малоземельная беднота и чай-

[10] Д. И. Манжара. Революционное движение в Средней Азии 1905—1920 гг. Воспоминания. Таш., 1934, с. 42.

[11] «Наша газета». Таш., 26(13).V.1917.

рикеры «самовольно» отводили воду на свои земли. Испуганные баи потребовали от областного комиссара охрану. Присланная «для успокоения умов» вооруженная команда убила четырех дехкан и ранила восьмерых. Эта расправа возмутила народ. Военная команда была обезоружена и обратилась в бегство. Тогда Туркомитет послал из Самарканда в Нау карательный отряд. В это же время в кишлаке Костакоз произошло побоище из-за земли между бедняками и баями-кулаками. В Андижанском уезде бедняки, чайрикеры, середняки организованно потребовали конфискации земель ненавистного всем помещика-ростовщика казия Муминбаева и хотели его убить. Но андижанский «Шуро-ислам», всячески лавируя, спас его на этот раз от заслуженной кары и организовал охрану его земель. За это Муминбаев предоставил «Шуро-исламу» «помещение для библиотеки в своем торговом пассаже».

Уже в мае — июне руководители «общенационального движения» открыто выступили против национально-революционного движения масс. Националистические элементы создали мусульманский союз «Ихтият». Цель этого союза состояла в том, чтобы «охранять среди общества спокойствие, удалять простонародье и некоторых зломыслящих людей и стремиться к оберегании всех жителей от всяких вредных вещей» [12], иными словами — от революции. В июне андижанская джадидская организация «Туран» создала из своих членов милицию для защиты байских домов от «разбойничьих» нападений дехканской и городской бедноты. Но ничто не помогало. Народ начал наступление.

Жизнь опровергала контрреволюционные утверждения помещиков и буржуазии, что якобы «раздел земель мусульманам не нравится. Социализация земли тоже им непонятна и несимпатична. Они сторонники частной собственности. Идеи коммунизма... мусульманам противны» [13] и т. п. Народ требовал себе землю. Туркомитет понял всю серьезность происходящего и разослал всем областным комиссарам циркуляр, в котором приказывал «разъяснить населению, что земельный вопрос будет разрешен на учредительном собра-

---

[12] «Наджат». Таш., 26.V.1917.

[13] «Красный архив», т. XX, с. 76.

нии, а до того времени все земельные недоразумения имеют разрешаться образуемыми местными земельными комитетами в пределах действующих законов и постановлений Временного правительства»[14]. Создание земельных комитетов преследовало лишь одну цель — защищать интересы колонизаторов и местных землевладельцев от «самоуправства» дехканских масс и быть заслоном против их революционного напора. Помещики и буржуазия заявляли Временному правительству, что «медлить с образованием земельных комитетов нельзя, так как рабочие-тыловики в некоторых местах прямо заявляют баям: „Будем отбирать у вас землю". К ним хотя еще и с оглядкой, но уже начинают примыкать безземельные и малоземельные элементы мусульманства»[15].

Русское империалистическое правительство в лице местного органа (Туркомитета) не собиралось решать аграрный вопрос. Оно пыталось лишь с помощью обмана успокоить трудовое дехканство, обещая ему вместо земли и воды журавля в небе, т. е. учредительное собрание. Это обещание Временного правительства поддерживали меньшевики и эсеры, которые были оплотом не только русских помещиков и кулаков, но и местных землевладельцев. Поэтому I Краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, где тон задавали соглашатели, вынес следующую резолюцию по земельному вопросу: «Самовольный захват всяких земель до издания законов учредительного собрания не может быть допущен»[16].

В Туркестане в условиях продолжавшейся войны хозяйственная разруха и голод приняли страшные размеры. Кадет Щепкин доводил до сведения Керенского, что «край прекрасен, но все могут умереть от голода», и не принимал никаких мер для облегчения положения трудящихся масс. В Ташкенте отмечалось много случаев голодной смерти. Газеты писали, что во многих городах Туркестана «ходят толпы народа и требуют хлеба»[17]. В небольшом городке Джизаке ежедневно умирало от голода 8—10 человек.

---

[14] ЦГА УзССР, ф. Р-1613, 1917, д. 18, л. 14.
[15] «Знамя свободы». Скобелев (Фергана), 13.VII.1917.
[16] ЦГА УзССР, ф. Р-1613, 1917, д. 2.
[17] «Наша газета», 26.V.1917.

Представители русской и местной господствующей верхушки наживались на голоде. Так, Маргеланский комитет безопасности во главе с богачом Касымханом Ходжаевым присвоил себе тысячи пудов муки, которая была получена для распределения среди голодающего населения. А меньшевики и эсеры не хотели возглавить борьбу с продовольственной разрухой. От имени Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов они запрещали местным Советам вводить таксу на предметы первой необходимости и тем самым поддерживали спекулянтов, давая им возможность наживать миллионы. Первый организационный съезд представителей «Шуро-ислама» в Коканде снял с обсуждения продовольственный вопрос «ввиду отсутствия среди мусульманских организаций единого толкования и понимания шариата по вопросам учета хлебных злаков, реквизиции и таксировки цен на них» [18]. Этой хитрой уверткой шуроисламисты открывали широкий простор для спекулятивных махинаций.

Но за дело горячо взялись члены Советов — большевики. Они повсеместно брали на себя распределение продовольствия среди населения. Их решительные действия по борьбе с продовольственной разрухой еще более повысили их авторитет в глазах трудящихся. Особенно большое влияние имели большевики среди рабочих-железнодорожников. Так, 30 апреля 1917 г. общее собрание рабочих Среднеазиатской железной дороги отказало в доверии Туркестанскому комитету и потребовало очистить ряды милиции от жандармов и полицейских. 12 мая Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов избрал делегатом на I Всероссийский съезд Советов большевика А. Я. Першина. На II Краевом съезде РСДРП среди 29 делегатов с решающим голосом было 7 большевиков и 4 сочувствующих. Эта большевистская группа выступила с проектом резолюций о выражении недоверия Временному правительству и о прекращении империалистической бойни.

Под руководством большевиков проходили многие стачки и забастовки русских и местных рабочих и служащих. Большевистская часть туркестанских Советов

---

[18] ЦГА УзССР, ф. Р-1613, 1917, д. 20, л. 87—92.

рабочих и солдатских депутатов умело проводила революционную мобилизацию масс. Так, после многодневной забастовки было подписано соглашение между рабочим стачечным комитетом и администрацией Вадьяевского хлопкового т-ва. Рабочие добились повышения заработной платы на 40%, 10-процентной надбавки на оплату квартир и страховки за счет предпринимателей. Эта забастовка была поддержана Ташкентским Советом, Наманганским комитетом Союза служащих, рабочими и мелкими служащими хлопковых и маслобойных предприятий богатейших фирм Потеляхова, бр. Крафт и Персидского т-ва. С огромным успехом была проведена стачка на больших хлопковых предприятиях торгового дома бр. Шлосберг в Фергане. Сначала правление, опираясь на Щепкина, пригрозило закрыть заводы. В ответ на эту угрозу рабочие объявили забастовку. Щепкин произнес погромную речь, обвиняя большевиков «в измене народу». Рассвирепев, он упрекал своих помощников-меньшевиков в том, что они не принимают решительных мер к изоляции большевиков, чем способствуют подрыву авторитета Временного правительства [19].

Добившись повышения заработной платы рабочим хлопковых заводов в Фергане, большевики, созвав общее собрание рабочих Среднеазиатской железной дороги, вынесли резолюцию с выражением недоверия Туркомитету Временного правительства и провели через Краевой Совет рабочих и солдатских депутатов постановление о немедленном изгнании из Туркестана Щепкина. Помощники Щепкина подали в отставку. «Шуро-ислам», испугавшись возможности остаться лицом к лицу с революционной частью Советов, возбудил ходатайство перед Временным правительством об оставлении в составе Туркомитета входивших в него «мусульманских» депутатов.

Местные соглашатели предавали интересы «своего» народа и приносили их в жертву интересам угнетателей и эксплуататоров. Трудовой народ постепенно убеждался в том, что только слова большевиков не расходятся с делом. Большевики же понимали, что в

---

[19] См.: Д. И. Манжара. Революционное движение в Средней Азии..., с. 43.

борьбе за переход власти в руки пролетариата огромную роль играют трудящиеся угнетенных национальностей.

После подавления июльской демонстрации в Петрограде представители Временного правительства в Туркестане еще больше распоясались. Двоевластия уже не существовало. Вся власть теперь была сосредоточена в руках империалистов. Но напрасно последние надеялись, что им удалось изжить революционный кризис.

Испугавшись нараставшей революционной борьбы дехканства за землю, Временное правительство опубликовало постановление о запрещении земельных сделок. Весь народ, разоряемый продолжающейся войной, налогами, поборами, неизбежно попадал в ростовщическую кабалу к помещикам и кулакам. Единственным имуществом дехканина был клочок земли, да и тот ему приходилось продавать за бесценок, чтобы выплатить долги. По сути дела, эту землю у него попросту отбирали заимодавцы. Таким образом, постановление о запрещении земельных сделок было вынужденной данью революционно настроенным дехканским массам, так как несколько ограничивало эксплуататорские тенденции землевладельцев.

Запрещение земельных сделок вызвало резкий протест местных помещиков и буржуазии. В Петроград полетели одна за другой телеграммы. Союз сельских хозяев-мусульман Ташкентского уезда, куда входили богатейшие узбекские помещики-ростовщики вроде полковника Джурабека (сына бывшего шахризябского бека) и кулаки-баи, послал срочную телеграмму Керенскому, Львову и Чернову следующего содержания: «Циркуляр министра юстиции о прекращении сделок по уездным землям очень волнует все местное население края, видящее в этом как бы желание правительства решить аграрный вопрос Туркестана на общих основаниях с Европейской Россией. Особенность местных земельных владений, интенсивность культур на всех орошенных землях, обычное право и шариат — все это заставляет нас предупредить Временное правительство о необходимости срочно разъяснить через Туркестанский комитет всему населению, что по Туркестану не будут применены общерусские меры в

аграрном вопросе, и немедленно отменить циркуляр»[20].

Союз узбекских землевладельцев довольно бесцеремонно требовал от Временного правительства восстановления своих прав. Большинство членов этого союза было объединено в реакционную политическую организацию «Улема» и состояло в тесном контакте с русскими колонизаторами. Их прочная связь нашла отражение в телеграмме членов «Союза туркестанцев», отправленной по тому же вопросу и в те же адреса. В ней было сказано: «Циркуляр министра юстиции о прекращении земельных сделок в уездах крайне взволновал туземное население, девяносто пять процентов которого являются землевладельцами... Указанным циркуляром нарушаются веления шариата о земельной собственности... В целях предупреждения могущих быть среди туземцев эксцессов, просим не распространять на Туркестан действие упомянутого циркуляра министра юстиции»[21]. Примерно через месяц Временное правительство отменило постановление о запрещении земельных сделок. Право узбекских помещиков и кулаков прибирать к своим рукам землю трудового дехканства опять было восстановлено контрреволюционной властью Керенского — Львова.

Боязнь революции крепко спаяла российских и местных эксплуататоров. Создалось парадоксальное положение: русские колонизаторы — проводники лозунга «самодержавие, православие и народность» — превратились в защитников шариата. Перед лицом приближающейся революции сплотились все силы реакции.

---

[20] ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Генерального штаба, 1917, д. 1/188, л. 113—116.

[21] Там же, л. 109—111.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1917 г. мировая реакция потребовала от российских империалистов разоружения рабочих, усиления военной цензуры, восстановления смертной казни. Российским империалистам со страниц английской газеты «Дейли экспресс» было указано: «Россия должна воевать, а не разговаривать». Буржуазное Временное правительство, холопствовавшее перед англо-французским капиталом, вынуждено было выполнять все его указания. Русские рабочие понимали это, как и передовые слои народов Средней Азии. Народные массы воочию убеждались, что российский пролетариат самоотверженно борется против империалистов, что он помогает и поддерживает все насущные требования трудящихся. Укреплявшаяся связь с русским народом втягивала узбекский и другие народы Туркестана в борьбу демократических сил в империалистической России, а также в мировое революционное движение, передовым представителем которого был русский пролетариат.

В августе 1917 г. трудящиеся упорно боролись за влияние в Ташкентской городской думе, в которой засели помещики, муллы, представители буржуазии. То же происходило и в других городах Туркестана. В этот период уже стал явно намечаться переход от буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому.

Корниловщина вызвала резкий протест со стороны революционных сил Туркестана. 12 сентября в Ташкенте рабочие и солдаты организовали демонстрацию и митинг, на котором была принята резолюция о передаче всей власти Советам, реквизиции продовольствия у буржуазии, рабочем контроле над производством и передаче земли трудовому дехканству. На этом же митинге был избран Революционный комитет. В этот

же день был переизбран Ташкентский Совет, где было много соглашателей. Но русские и местные контрреволюционеры не хотели признать власть Революционного комитета и переизбранного Совета и обратились за помощью к Керенскому. Последний немедленно направил в Туркестан карательные войска во главе с генералом Коровиченко В ответ на это русские и местные рабочие объявили забастовку

Усиливалась революционная борьба и в других городах. В конце сентября в Коканде происходили выборы в городскую думу. Предвыборная кампания была чрезвычайно напряженной. Улемисты и шуроисламисты организовали злодейское убийство самых активных членов Союза трудящихся мусульман, агитировавших голосовать за единый рабочий список. Но ничто уже не могло остановить нараставших революционных событий. Несмотря на усиленную помощь русских и местных реакционеров, оказанную ими генералу Коровиченко, попытка последнего подавить революцию в Ташкенте окончилась крахом. Даже казаки, на которых полагался Коровиченко, отказались его поддерживать. Так, представители 17-го Оренбургского казачьего полка заявили: «Казаки подавлять восстание большевиков не будут»[1]. Революционные рабочие и трудящиеся всех национальностей, русские солдаты самоотверженно и героически боролись с врагами, защищая дело революции. Три мощных революционных потока — рабочий, крестьянский и национально-освободительный — слились в одно русло. Приближалась социалистическая революция.

Великая Октябрьская социалистическая революция резко изменила дальнейшую судьбу всех народов, населяющих Российскую империю. Она уничтожила империалистическую Россию, создав вместо нее величайшую социалистическую народную державу. Российский революционный пролетариат, сбросив своих извечных классовых врагов, тем самым помог трудящимся Средней Азии и других окраин царской России достичь социального и национального освобождения.

---

[1] Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Сборник документов. Таш., 1947, с. 195, док. № 165.

Передовые русские рабочие всегда решительно боролись против угнетения нерусских народов и требовали полного их равноправия. Поэтому представители русского пролетариата сыграли значительную роль в пробуждении и развитии классового и национального самосознания трудящихся Туркестана. Именно общая борьба с врагами и взаимные поддержка и доверие объединили русский и другие народы с народами Туркестана и помогли последним превратиться из резерва социалистической революции в ее активных участников.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела угнетенные народы, населявшие окраины царской России, на путь перехода их от докапиталистических отношений к социализму, минуя мучительную стадию капитализма. Сбросив колониальные оковы, народы Средней Азии обрели свободу и независимость.

Классовая интернациональная солидарность тесно сплотила всех трудящихся бывшей царской империи в единое многонациональное государство — Союз Советских Социалистических Республик. СССР во главе с Коммунистической партией, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, стал руководящей силой в борьбе трудящихся различных национальностей за революционное переустройство общества, за коммунизм.

«Крепки и монолитны братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик. Его образование и успешное развитие являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинно интернационалистического характера, великим завоеванием социализма»[2].

Опыт и успехи социалистических республик Средней Азии представляют немалый интерес и для многих освободившихся и освобождающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, являясь ценнейшим достоянием революционных сил мира.

---

[2] О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.— «Правда», 1.II.1977.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУА	— Военно-ученый архив
ЗИРГО	— «Записки императорского Русского географического общества»
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
УЗТПИ	— «Ученые записки Ташкентского педагогического института»
ЦГА УзССР	— Центральный государственный архив Узбекской ССР
ЦГВИА СССР	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР

Содержание

Введение 3
Завоевание царизмом среднеазиатских ханств и англо-русское соперничество 9
Административный аппарат и национальная политика царизма 27
Аграрная политика царских властей 39
Колониальный характер развития народного хозяйства . . 55
Народные восстания во второй половине XIX в. 67
Революция 1905—1907 гг. в Туркестане 74
Туркестан в 1908—1917 гг. Восстание 1916 г. 85
На путях к Великому Октябрю 100
Послесловие 116
Список сокращений 119

Зинаида Дмитриевна Кастельская

ИЗ ИСТОРИИ
ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ
(1865—1917)

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *А. В. Бодянская*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 13695

Сдано в набор 28.08.79. Подписано к печати 28.12.79. А-02937. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,32. Тираж 2700 экз. Тип. зак. 579. Цена 65 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

65 коп.